

МИХАИЛ
ЗАХАРЧУК

11

ЗВЕЗД

ТАГАНКИ

Владимир Высоцкий

Зинаида Славина

Анатолий Васильев

Вениамин Смехов

Николай Губенко

Леонид Филатов

Николай Дупак

Борис Хмельницкий

Валерий Золотухин

Леонид Ярмольник

Юрий Любимов

Великие актеры театра и кино

Михаил Захарчук

11 звезд Таганки

«ЭКСМО»

2020

Захарчук М. А.

11 звезд Таганки / М. А. Захарчук — «Эксмо», 2020 — (Великие актеры театра и кино)

Эта книга об одиннадцати самых известных людях самого известного, можно даже сказать скандально известного советского Театра на Таганке. Среди отечественных творческих коллективов Таганка, пожалуй, единственный в стране, у которого три взаимоисключающие биографии. С момента образования в 1946 году он был Московским театром драмы и комедии. Потом стал Московским театром драмы и комедии на Таганке. А затем и вовсе разделился на две труппы. Но эта книга – о главном Театре на Таганке. О том театре, где больше полутора десятка лет на подмостки выходил легендарный Владимир Высоцкий. Здесь читатель найдет, прямо скажем, уникальные, эксклюзивные факты из жизни звезд. Потому что судьба автора книги причудливо переплелась с выдающимися творцами Таганки, о которых идет речь. Это: Владимир Высоцкий, Анатолий Васильев, Николай Губенко, Николай Дупак, Валерий Золотухин, Юрий Любимов, Зинаида Славина, Вениамин Смехов, Леонид Филатов, Борис Хмельницкий, Леонид Ярмольник.

© Захарчук М. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Как я штурмовал «театр свободы внутри тюрьмы». Вместо предисловия	5
Владимир Высоцкий	9
«Легенды, мифы и правда о Высоцком	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Захарчук Михаил Александрович 11 звёзд Таганки

Как я штурмовал «театр свободы внутри тюрьмы». Вместо предисловия

Для начала позвольте, любезный читатель мой, напомнить вам некоторые справочные прописи. Так сказать, для ориентировки. Московский театр драмы и комедии был основан в 1946 году. Руководил им Александр Плотников. В труппу вошли несколько десятков воспитанников московских театральных студий. Наиболее известным среди них считался Готлиб Ронинсон. Никаких лавров у столичной публики тот драматический коллектив не стяжал. Более того. В начале 1960-х годов он оказался одним из наименее посещаемых театров Москвы и Подмосковья. Осенью 1963 года в театр назначили директором Николая Дупака – фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны, ведущего актёра и секретаря парткома театра имени К.С.Станиславского. Ему предстояло вытащить труппу из глубочайшей творческой, а, заодно, и финансовой пропасти. Проблему руководство от культуры даже очертило так: «Не справитесь, Николай Лукьянович, с партийным поручением – мы театр этот закроем». То есть, ежу понятно, что нужны были меры экстраординарные. И Плотникову пришлось уйти в отставку. На должность главного режиссёра Дупак пригласил Юрия Любимова, который играл в Театре имени Вахтангова. К захватывающим подробностям этой, без преувеличения, исторической встречи двух «фундаторов» – основателей театра – мы ещё не раз вернёмся. Пока что отметим главное. Именно Дупак разглядел в довольно посредственном актёре Любимове режиссёрские задатки. Именно Николай Лукьянович добавил к прежнему наименованию театра красноречиво-уточняющее «на Таганке». Именно он придумал, нарисовал и, главное, утвердил «в инстанциях» эмблему театра – красный квадрат с черными словами по периметру: «Московский театр драмы и комедии на Таганке», ставший театральной легендой всего Советского Союза. Именно этому «Театру на Таганке» в нынешнем, 2019 году, исполняется 45 лет.

В жизни автора сих строк Таганка не просто московский театр – Атлантида моей молодости, воспоминания, слаще которых могут быть разве лишь времена рождения собственных детей и внуков. Скажу больше. Многие творцы из этого уникального драматического коллектива: В.Высоцкий, Н.Дупак, З.Славина, Ю.Любимов, В.Золотухин, В.Филатов, Л.Ярмольник, А.Васильев, Н.Губенко, Б.Хмельницкий, В.Смехов самым серьёзным образом повлияли на моё мировоззрение, на то, что нынче модно именовать менталитетом. К воспоминаниям об этих и некоторых других актёрах Театра на Таганке я сейчас и приступаю. И помощи мне, Господи, быть, елико возможно, честным в тех воспоминаниях.

* * *

В конце семидесятых учился я в Военно-политической академии имени В.И.Ленина. Командование вуза делегировало меня во Всероссийское театральное общество (ВТО). Почтенную артистическую организацию тогда возглавлял народный артист СССР, художественный руководитель Малого театра, Герой Социалистического Труда Михаил Иванович Царёв. Он и его ближайшие помощники директор Дома актеров ВТО имени А.А.Яблочниковой Александр Моисеевич Эскин и его заместитель Мария Вениаминовна Воловикова очень хорошо ко мне относились. И часто давали весьма ответственные поручения, от которых я никогда не отказывался. Наоборот, выполнял их с радостью и со старшинским рвением. Одно

из них – наладить творческие связи с Театром драмы и комедии на Таганке – поначалу показалось мне делом почти что плёвым. Суть его такова. В Секции зрителей при ВТО тогда существовали творческие бригады во всех столичных театрах. В Большом театре их насчитывалось даже две: балетная и оперная. Кроме театра на Таганке. Главный режиссер коллектива Юрий Петрович Любимов принципиально и вызывающе конфронтировал не только с партийно-советскими органами, которые действительно временами чинили ему определенные препятствия и неудобства в сценической работе, но и со всеми творческими общественными организациями столицы. ВТО Любимов ненавидел почти лютой ненавистью, и я даже не знаю за что конкретно. Но факт тот, что он рассматривал всё наше театральное сообщество, как сборище оголтелых престарелых попрошаек, озабоченных одним единственным устремлением: любыми путями добиться от него, Любимова, драгоценных билетов и контрамарок на его же любимые, драгоценные и неповторимые спектакли. И поэтому категорически отказывался с нами сотрудничать.

Справедливости ради замечу, что отчасти в своих заблуждениях Любимов был недалёк от истины. Билеты «на Таганку» в театральном мире столицы в те достославные годы очень напоминали по весу и значимости английские фунты стерлингов в мире финансовом. Во всяком случае, в городские театральные кассы они попадали чрезвычайно редко, почти случайно, а на черном рынке стойко ходили в соотношении: рублевый билет отдавался за сто номиналов. С учетом того незамысловатого обстоятельства, что минимальная зарплата уборщицы в стране составляла 67 рублей, можете себе представить, как высоко котировались спектакли на Таганке. Многожды мне лично доводилось наблюдать, как люди отдавали за билеты болоньевые плащи – писк тогдашней моды, портативные радиоприёмники и прочий дефицит. Практически на каждый вечерний спектакль к Таганке стягивались дополнительные наряды милиции. А когда шли особо популярные вещи, типа «Гамлета» или «Мастер и Маргарита» – подтягивалась даже милиция конная. И вот мне предстояло наладить с этим «рассадником свободомыслия», с этим «театром свободы внутри тюрьмы» (очень многомерное, доложу вам, полифоническое определение) деловые и творческие контакты. Был я в ту пору молод, не дурен собой, амбициозен и вместе с тем по провинциальному наивен. Казалось, если меня уважаемое руководство ВТО «обличило столь весомым общественным доверием», то куда же он денется, этот чудак Любимов со своим примитивным театриком. Святая простота!

Штурм в лоб крепости, а именно попытка о чём-то договориться с главным режиссером, – с треском провалился: Любимов сказал мне, что не намерен принимать от ВТО посланцев, буде они даже генералами. «А вы всего лишь старший лейтенант. Так и передайте своему руководству: не станет Таганка с ним сотрудничать ни за какие коврижки». Мне, военному человеку, не оставалось ничего другого, кроме как заняться длительной осадой скандального театра. Громадную, просто-таки неоценимую помощь в этом деле мне оказала замечательная, чудная, обворожительная женщина и неординарная актриса Зинаида Анатольевна Славина. Она почти за руку меня всегда брала и отводила на встречу с тем или иным своим коллегой. А после неудачной попытки пообщаться с метром Любимовым, я обратился к директору театра Николаю Лукьяновичу Дупаку. Земляк оказался хоть и намного приветливее, дипломатичнее, нежели «ЛЮП», но всё равно, сославшись на занятость, отправил меня к своему заместителю Анатолию Афанасьевичу Кислицкому. Тот меня перенаправил к Юрию Беляеву, Борису Хмельницкому, Вениамину Смехову и Борису Глаголину. Кто из них был в парткоме, кто в профкоме, а кто в комсомольской организации, ей-богу, сейчас уже не упомяну. Да это и не суть важно. Всё равно никто и ничем конкретным мне не помог. Мы, как правило, мило чирикали. В основном не служившие ребята живо интересовались армейскими делами и особенно фольклором, в котором я был докой. Однако воз оставался «и ныне там». Пётр кивал на Ивана, Иван на Петра, а дело с организацией творческой бригады Секции зрителей ВТО при театре на Таганке не двигалось ни на йоту. Никто и ничего там отродясь не решал без

ведома и согласия Любимова. Бывший на ту пору администратором театра Валерий Павлович Янкович оказался гораздо честнее в своей прагматичности, чем артисты-общественники. Он мне так прямо и заявил:

– Ты, старлей, особо-то не обольщайся. У нас ведь существует железное правило, Любимовым, кстати, установленное и Дупаком всячески поддерживаемое: предметно разговаривать лишь с теми людьми, кто театру в чём-то помогает или в перспективе может быть полезен. Всякая благотворительность и бескорыстие здесь и на хрен никому не нужны. Отсюда вывод: желаешь чего-то добиться – прояви себя. Если хочешь, дам тебе первое поручение: проведи в своей академии выступления наших артистов через общество «Знание». Деньги ребята получают плёвые, но всё равно это кой-какой для них приварок.

Пораскинув мозгами, я согласился. Пошёл в политотдел академии, наобещал там комиссарам с три короба, и вскоре таганковцы Наталья Сайко, Иван Дыховичный, Дмитрий Межевич и Леонид Филатов выступили в клубе академии с тематической программой: «Советская и русская поэзия и её влияние на творчество актёра». Конечно, мне хотелось другой программы: «Артисты театра на сцене и в жизни», где выступал Высоцкий. Но дарёному коню ведь в зубы не смотрят. И я не стал заглядывать. За это мероприятие Кислицкий выдал мне десять контрамарок на спектакль «Товарищ, верь!» и пять на «Доброго человека из Сезуана». Ими я и отчитался на заседании бюро в ВТО. И все поняли, что, несмотря на жуткие, драконовские условия, царящие в «любимовской вотчине», старлей Захарчук все же продолжает тихой сапой рыть подходы к горделивой крепости Таганки. И вот тут не было бы счастья, да несчастье мне существенно помогло.

Амбициозному Любимову и не менее деятельному Дупаку со временем стало тесно в старом театральном здании, где зрительный зал имел всего лишь 700 мест. Решено было строить новое. С немалыми потугами руководство театра пробило решение городских властей и документацию на снос почти целого квартала ветхих строений для возведения театрального комплекса. Попутно в Финляндии были заказаны стулья для зрительного зала. Финны, известно, народ аккуратный. В указанный срок они отгрузили в СССР по адресу театра на Таганке несколько сот стульев, сбитых в секции. Но наше строительство очага культуры просто по определению должно было превратиться в долгострой и оно им благополучно стало. Стулья сгрузили в подвал жилого дома. Принадлежал тот подвал какой-то московской фабрике, по моему, чулочной. Прошло пять лет. Директора фабрики то ли уволили, то ли даже посадили. Новый руководитель начал обходить свои владения. Увидел стулья и обрадовался. Приказал срочно заменить ими старые в фабричном клубе. Дальше случился курьезный диалог, который впоследствии таганковцами живо обсуждался как легенда:

– Извините, товарищ директор, – говорит секретарь парткома предприятия, – но это стулья не наши, а Театра на Таганке.

– А что, разве есть такой театр? По-моему, на Таганке только тюрьма.

– Ну, как же, там еще Высоцкий играет!

– Какой такой Высоцкий?

Короче, подал директор – профан в театральных делах – жалобу в арбитражный суд, и тот постановил: в течение 24 часов стулья из подвала убрать. В противном случае они переходят во владение фабрики. Весь коллектив театра, начиная с Любимова и кончая вахтершей, на служебном входе жутко пригорюнился. Кроме всего прочего, деревяшки те в плюшевой обшивке были оплачены валютой! А это уже пахло скандалом международным и даже политическим. И тут появляюсь я, весь в зелёной форме, и говорю, как тот мультяшный Карлсон: «Спокойствие, граждане, только спокойствие!»

Если же кроме шуток, то свой элегантный экспромт я довольно тщательно подготовил. Был у меня на ту пору знакомый командир строительной части полковник Виктор Николаевич Новиков. У него я выпросил на день роту солдат. А в дирекции театра заявил: если вы мне

обеспечите два большегрузных автомобиля, то за световую субботу я все стулья доставлю в только что выстроенную, ещё без окон и дверей коробку театра. Что и сделал. И сразу же стал в театре уважаемым старшим лейтенантом, с которым все почтительно здоровались, как с полковником. Дупак на очередном совещании охарактеризовал мои действия, как «неоценимую помощь театру». Говорят, даже Любимов одобрительно обо мне отозвался, но контактов у нас по-прежнему не наблюдалось. Заходил я после случившегося «подвига» в театр уже только через служебный вход. И вообще стал в коллективе своим человеком. И не раз слышал за своей спиной: «Это самый Захарчук, что стулья спас». Тогда же я впервые пообщался и с Высоцким. Но подробностей нашего первого разговора не помню...

Владимир Высоцкий

«Мы успели, в гости к Богу
Не бывает опозданий,
Так что ж там ангелы поют
Таковыми злыми голосами.
Или это колокольчик
Весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням,
Чтоб не несли так быстро сани.

Чуть помедленнее кони,
Чуть помедленнее,
Умоляю вас вскачь не лететь.
Но что-то кони мне попались
Привередливые,
Коли дожить не успел,
Так хотя бы допеть.
Я коней напою, я куплет допою,
Хоть немного ещё постою на краю».

* * *

Под занавес восьмидесятых слава Высоцкого достигла своего пика. Им восторгались жители огромного Советского Союза и почти всех социалистических стран. Отбросив ложную скромность, могу смело утверждать, что и я в те времена уже отдавал себе отчёт в том, сколь велика эта фигура в мире театральном и, особенно, в мире поэтическом. Разумеется, я жаждал с ним общения. Рано или поздно цели своей добился бы всенепременно. И вот почему. С ним давно уже дружил мой начальник редакторского отделения полковник Анатолий Григорьевич Утыльев. Личность эта по-своему легендарная. Службу свою офицерскую он начинал в первом отряде космонавтов в должности начальника ПДС (парашютно-десантная служба). Все космонавты первого набора: Иван Аникеев, Валерий Быковский, Борис Волинов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Георгий Шонин, Евгений Хрунов были поэтому его лучшими друзьями. Уйдя на повышение и став помощником начальника политуправления ВВС по комсомольской работе, Утыльев продолжал курировать отряд космонавтов.

Рассказчик Утыльев был знатный и одновременно задушевный. Никакого артистизма, тем более – нарциссизма, никаких переживов. Говорил юморно, тихо, почти застенчиво, а всегда – заслушаешься. Ещё бы: «Космос всегда находился под семью печатями секретности. Те, кто слетал, сразу становились героями, и весь мир о них узнавал. Но о тех, кому ещё предстояли полёты, даже родные слыхом ничего не слышали. Попасть в отряд космонавтов было сложнее, чем на ракетно-ядерную базу. И вот мы с Женей Тяжелниковым (первый секретарь ЦК ВЛКСМ) решили ломануть эту замшелую систему. На одном из закрытых мероприятий подошли вдвоём к Брежневу и наперебой пожаловались, что у наших космонавтов среди развлечений: кино, бильярд и домино. Леонид Ильич подозвал министра обороны Гречко:

«Андрей Антонович, ребята тут сетуют и, по-моему, справедливо. Ты разберись и мне потом доложишь». Мы давай ковать железо, пока оно горячее. Говорим: надо для космонавтов регулярно устраивать концерты с участием лучших артистов страны. А для этого желательно и платить им соответственно. Короче, с тех пор в Звёздном городке кто только ни побывал. Многие шли, конечно, из-за хорошего гонорара – мы вдвое, иногда и втрое больше платили, чем на гражданке. Но большинство – по соображениям престижности. Ты спроси тех же Высоцкого, Ротару, Пугачёву, Гнатюка, да даже Кобзона и они тебе скажут: выступление перед космонавтами приравнивалось тогда к знаку качества и открывало потом практически неограниченные возможности перед деятелями культуры. Мы, в самом деле, приглашали только и исключительно лучших из лучших.

... А Высоцкого и Гагарина я как познакомил. Новый 1965 год мы встречали в квартире инженера Валерия Сергейчика в Звёздном городке. Он временно «холостяковал» – домочадцы уехали на родину. Компания собралась шумная и многолюдная: Николаев, Хрунов, Горбатко, Быковский – да всех разве упомнишь. У Вали мы и заночевали – кто где. Проснулся я по привычке раненько, все ещё дрыхли. Звонок в дверь. Открываю – Юрий Гагарин: «Толя, мне вчера подарили необычную кассету: какой-то парень поёт просто потрясающе. У вас же есть магнитофон. Давай послушаем». И Юра врубил магнитофон на всю катушку – ребята как очумелые вскочили. Ну а я по первым аккордам узнал, кто поёт. У меня солдатом служил Толя Васильев, которого мы призвали из «Таганки». Он меня со своим поющим коллегой и свёл. «Так это ж Высоцкий, – говорю. Юра зажётся. – Обязательно познакомь меня с ним!» На следующий день была суббота, и они оба прибыли ко мне на квартиру. Гагарин ещё кого-то привёз с собой на «Волге» – тоже не помню. Зато железно знаю, что они понравились друг другу. Само собой, сели за стол. Пошли тосты. Володя, правда, даже не нюхал спиртного, находился «в завязке». Но как он пел! «Пока вы здесь в ванночке с кафелем...», «Тот, кто раньше с нею был», «Серебряные струны», «Не уводите меня из весны», «Бал-маскарад», «Зека Васильев и Петров зека», «Про Серёжку Фомина». И ещё другие песни, которые я, естественно, запомнил. Мишаня, ведь почти сорок лет минуло с тех пор! Я много раз слушал его в разных аудиториях, но такого исполнения, как тогда и не припомню. Виделись ли Гагарин с Высоцким после той встречи? Это вряд ли. Кто-то из них мне бы обязательно сообщил. А вот в Звёздном городке Володя побывал. Он давно мечтал посмотреть центрифугу, барокамеру другие аппараты, на которых тренировались космонавты – не раз мне о том говорил. Но в те времена центрифуга считалась суперсекретным объектом. В пристально охраняемом Звёздном её ещё и специально охраняли. И я об этом Высоцкого предупреждал. Но однажды он меня, что называется, припёр к стенке: «Веди, а то обижусь!» Ну как тут откажешь? Потолковал я с начальником отдела генералом Газенко. У него, между прочим, Юра Сенкевич тогда ещё капитаном работал. Олег Георгиевич с трудом согласился. Кроме Высоцкого я ещё прихватил Борю Хмельницкого и Толю Васильева. Пришлось нам срывать пломбы, снимать часового. Непростая операция, с учётом того, что её ещё надо было сохранить втайне от высокого начальства. Сначала показали гостям трёхплоскостной стенд для тренировки вестибулярного аппарата. Потом пошли на центрифугу – самую мощную по тем временам в мире. Машина на самом деле! Открыли Володе кабину. Он полежал в кресле, в котором ещё Гагарин тренировался, кнопки всякие понажимал. Вылез. Мы запустили аппарат. Предложил Володе покрутиться. «Нет, братцы, малость мандражирую», – признался. Может быть и потому, что мы ему честно рассказали: никто из космонавтов центрифугу не жаловал. А Гагарин, так и просто терпеть её не мог. Однако я очень доволен, что для Высоцкого тот визит на центрифугу не прошёл даром. Помнишь: «Я затаился и затих, и замер./ Мне показалось, я вернулся вдруг/ В бездушье безвоздушных барокамер/ И в замкнутые петли центрифуг».

И вот именно благодаря Утыльеву, мне и посчастливилось близко сойтись с Владимиром Высоцким. Хотя и тут не обошлось без пушкинского: «Случай – Бог изобретатель». В конце

семидесятых артист и бард начал строить дачу на половине участка киносценариста Эдуарда Володарского. Не сам, разумеется, а мастера строили. Да оказались по факту никудышными людьми. Отдельвая дом изнутри, запустили автономное отопление. Потом выпили и ушли, забыв его выключить. А дело было в канун 1979 года, когда в Москве стояли жуткие морозы. Воробьи налету замерзали. Вот Володино отопление благополучно и разморозилось.

Случись такая неприятность в наше время, мы бы что предприняли? Да элементарно обратились бы в специальные конторы, службы. В те достославные годы всё решалось по принципу, Аркадием Райкиным сформулированному: «Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит!» Или решил проблему – не имеет значения. Почему и всплыла моя фамилия. В театре все знали, что есть такой старлей Захарчук, способный быстро «решать возникающие вопросы». Заместитель директора Кислицкий и посоветовал Высоцкому обратиться ко мне. Янклович его поддержал. Владимир Семёнович позвонил Утыльеву: «Там у тебя учится такой Захарчук. Говорят, разбитной малый. А у меня тут геморрой возник с дачным отоплением. Как полагаешь, он мог бы помочь?» Утыльев потом рассказывал, что выдал мне наилучшую характеристику. В том смысле, что этот старлей (то есть я) в лепёшку расшибётся, но дело сделает. И уже через час Высоцкий меня подробно инструктировал:

– По Профсоюзной едешь всё время прямо. На 36-м километре сворачиваешь вправо. Там – дачи Госстроя и писательский поселок Пахра. Увидишь забор из новых некрашенных досок – это и есть моя дача. Вот ключи. Как войдешь в дом, там, слева, твоему взору откроются пять разрывов в трубе. Их надо заварить. Толя Утыльев сказал, что на тебя в этом смысле можно положиться. Да я и ребята говорят, что парень ты не промах. Удачи!»

Кажись, Наполеон первым заметил: главное ввязаться в бой, а там кривая, авось, да вывезет. Но мне уповать на кривую было верхом легкомыслия. Поэтому я для начала поехал к уже знакомому читателям начальнику строительного управления полковнику Новикову. Упал ему в ноги и честно, как на духу признался: вот-де, назвался перед Высоцким груздем, а в кузов лезть не то, что страшно – нелепо – ничего же не смыслю в автономном отоплении. Помогите. Виктор Фёдорович вызвал майора Анатолия Кукиля, старших лейтенантов Николая Бородачёва, Виктора Дударева и устроил «совет в Филях». Впервые я обнаруживаю эти фамилии офицеров, которые в трудную минуту оказали мне просто-таки неоценимую помощь. Как знать, а вдруг кому-то из них попадутся на глаза эти строки... Наутро у меня был автомобиль «рафик» со сварочной аппаратурой и двумя солдатами: водителем и газосварщиком. И мы поехали по указанному адресу.

Поселок Троицк (бывшая «Красная Пахра»), где располагалась дача Высоцкого, сильно занесло снегом. Утопая в нём по пояс, мы с бойцами еле добрались до крыльца. С трудом открыли заледеневшую, закиданную снегом дверь. Слева на трубах отопления оказалось действительно пять белых барашков, но когда я обследовал оба этажа пахнущего свежей стружкой помещения – насчитал в системе тридцать четыре повреждения! Попробовали их заварить – не получается. Лед становился водой, вода – паром и последнюю точку газосварки вышибало как пробку. Ежу стало понятно: покуда не сольем воду из системы, трубы не починим. А общая длина труб – далеко за сотню метров. Посидели, покурили, чаю из моего термоса попили и поехали к знакомому заведующему солдатским клубом в Ватутинке-1 майору Валерию Николаеву. У него раздобыли паяльную лампу. Вернулись на дачу. Стали отогревать трубы – быстро загораются недавно проолифленные под ними доски. Так чего доброго и дом можно спалить. Нужна была асбестовая или хотя бы шиферная прокладка. Голодные газосварщик и водитель чертыхаются. Еду с ними в столовую местного Дома офицеров, кормлю обоих, а потом затемно возвращаемся в Москву.

В тесной администраторской комнате Высоцкий в свидригайловском, кажись, халате расспрашивал меня, что к чему. Честно, как на духу, ему отвечал, что даже если и запушу отопле-

ние, а запущу его всенепременно, то всё равно оно для наших подмосковных морозов, прямо скажем, говенное. Мыслимо ли: батареи в доме с книжку величиной. При наших-то зимах! Там надо обыкновенные, чугунные устанавливать. Володя возмущается, чертыхается: ведь инженер систему проектировал! Валерий Янклович, администратор театра и, безусловно, самый близкий друг Володи, стоит за его спиной и зло так шипит на меня: «Да не компостируй ты ему мозги теми трубами! Как-нибудь без него справимся». А Семёновичу, вижу, интересны мои подробные, хоть и пустячные рассказы. Всё же первое в жизни своё жильё возводил. Почти неделю потом я валандался с тем отоплением, и каждый вечер перед Володей держал подробный отчёт. Он больше всего досадовал от того, что не мог, как мы с Валерой Янкловичем коньяк пить. В очередной раз «зашил» был. В итоге все трубы мы починили и даже сделали пробную топку, но потом полностью слили воду из системы, чтобы она по новой не разморозилась. Напомню читателю: зима, о которой вспоминаю, была единственной за столетие, в которой все три календарных месяца стояли морозы в 25 и больше градусов. Летом того же года, как я и предрекал, все батареи отопления были заменены.

Ну что я вам должен заметить, дорогой мой читатель. У каждого из нас есть в жизни примечательные моменты, памятные случаи, которые не выветриваются из памяти, не уходят в небытие, а остаются с нами на всю последующую жизнь. Такое событие для меня – починка отопления на даче Высоцкого. Боже ж ты мой, как я гордился той своей работой – этого вам словами не передать! Моя жена Татьяна даже со временем вывела такую закономерность. Тебя, говорит, сразу можно уводить из хмельной компании, когда ты начинаешь хвастаться тем, что чинил отопление у Высоцкого: значит напился. И, пожалуй, супруга права. Трезвый я всегда понимаю всю пропасть, которая существовала между мной и Высоцким – друзьями мы никогда не были. А вот, когда выпью, пропасть та сразу мелеет, и я её одним прыжком запросто перемахиваю. Тем более, если к тому меня понуждают благодарные слушатели в разгорячённой компании. При том ведь, что мне даже привирать особенно не надо. Отопление я действительно чинил, и о том весь Театр на Таганке знал, как знали в театре об особо-тёплом ко мне отношении Высоцкого. А то, что неделю моего отсутствия в академии прикрывал Анатолий Утыльев, так про это он и сам, когда жив ещё был, всем с гордостью рассказывал, дескать, какие мы с Захарчуком молодцы! А, поди, не прав?..

«Какого цвета моя ложь,/ когда с лихвою пьян?/ Когда стакан и с вилкой нож/ наверстывают план/ застолья долгого? Моё/ ли в прочих словесах/ летит завидное враньё?/ На всех ли парусах?/ Какую меру впопыхах/ пытаюсь превзойти?/ Чью веру и на чьих правах/ поворотить с пути?/ Какого черта и рожна/ плутаю стороной,/ где лишь мелодия нежна/ ко мне любой ценой?»

Всегда вспоминаю эти строки моего друга-поэта Юрия Перфильева, когда думаю о Володе Высоцком. А чем старше становлюсь, тем больше о нём думаю. Всё-таки мне подфартило так, как удивительно кому везёт: близко знать и продолжительно общаться с таким великим, да что там изобретать лингвистические фигуры – гениальным творцом...

(В 2002 году мой хороший приятель Константин Рязанов, некоторое время редактировавший журнал «Ваган» при Государственном культурном центре-музее Высоцкого, написал книгу «Высоцкий в Троицке. Вокруг «неизвестного» выступления. Журналистское исследование». Надо сказать великолепное исследование блестящего знатока творчества Высоцкого, давно уже ставшее библиографической редкостью. Так вот, есть в той книге четыре страницы воспоминаний и автора сих строк. Фотографии дачи А.В.Иванова взяты, кстати, тоже из неё).

Если раньше Володя смотрел на меня как полковник на капитана (как раз это звание я вскорости получил и поэтому ещё всегда ходил в театр в форме), то после дачной эпопеи просто-таки заметно потеплел. Как говорится, воочию убедился, что заяц трепаться не любит. Даже стал кликать меня Мишаней. Последнее обстоятельство и подвигло меня на поступок, при ином раскладе в то время немыслимый – перед Высоцким я всегда трепетно и пие-

тетно благоговел. А тогда осмелился и попросил артиста дать интервью для воинов-сибиряков. Газету Сибирского военного округа «Советский воин» редактировал тогда мой очень близкий друг полковник Борис Андреевич Чистов, с которым я лейтенантом служил в Бакинском округе ПВО. К слову, он страстно почитал творчество Высоцкого. Однако Семёнович более, чем скептически отнёсся к моему предложению. Возразил типа того, что если, дескать, меня в гражданских газетах и журналах не печатают, то в военных – и подавно. Тем не менее, я проявил настойчивость и вручил ему заранее подготовленный материал, именуемый на журналистском жаргоне «рыбой». Володя осадил меня своим обычным: «Мишаня, не напрягай!» За очередной рюмкой я пожаловался Янкловичу: «Как смотрел на меня Высоцкий, словно на салагу, так и продолжает смотреть. Обидно, да?» Каково же было моё удивление, когда Валера достал из ящика стола мой материал, поправленный и подписанный Высоцким: «Воинам-сибирякам добра желаю!»

– Возьми, капитан! И будешь ты непременно майором! – сказал, смеясь Янклович. – Это не мои – Володины слова!

Материал «Многоликая муза Высоцкого» под рубрикой «Встречи для вас» был опубликован. (Газета, моя рукопись с автографом артиста и барда находятся сейчас в музее его имени). Друг мой Чистов, естественно, получил выговор от ГлавПУра, зато мои котировки в самом театре, да и пред Высоцким значительно повысились. Каждая встреча с ним по-прежнему оставалась для меня праздником. Досадно лишь от того, что дневник на ту пору я вёл, мало сказать, из рук вон плохо – преступно халатно. И, тем не менее, мозгов хватило всё, что говорил при мне Владимир Семёнович, записывать в блокнот. Вот лишь некоторые высказывания, которые точно помечены фамилией барда. К сожалению, когда и по какому поводу они были Володей произнесены, а мной записаны – установить в каждом конкретном случае уже затрудняюсь, а литературно, в угоду рукописи пофантазировать – тоже совесть не позволяет...

«Во всяком самоубийстве есть своя высота и непостижимость резонансов для тех, кто остался жить».

«Мне не нужен твой шаг навстречу. Шажок сделай – спасибо скажу».

Речь зашла о каком-то коллективном письме. Владимир Семёнович заметил: «Это – клановая обида. Еще Гоголь писал, что стоит в России сказать что-нибудь эдакое об одном коллежском асессоре, как все коллежские асессоры от Петербурга до Камчатки принимают реченное на свой счет».

«Подоплеку всех сложностей – всегда просты и незамысловаты».

«Никогда не обещаю того, чем не владею».

«– Знаешь, Мишель, что было самым главным на войне?»

– Затрудняюсь. Вот в танке...

– Да, в танке главное – не бздеть. А на войне всё вращалось вокруг самого важного и самого главного: уцелеть!»

«В мирное время дезертирство ещё простить можно. Смотря по обстоятельствам. В военное – никогда».

Высоцкий процитировал строки, откровенно восхищаясь их аллитерацией: «Стихия свободной стихии/ С свободной стихией стиха». (Я постеснялся спросить, чьи это стихи. И лишь позже установил: Пастернака).

«Да, это правда, в мою глотку многие бы и с удовольствием воткнули кляп. Не получается! Не даюсь! Так они, суки, долго и в засос норовят меня целовать!»

«В мыслях и думах мы все – часто преступники».

«Ребятки, да пыль во всем мире одинакового цвета!»

«А если поэзия не песенна, то это и не поэзия вовсе».

«Жажда веры – самая неутолимая жажда».

«Даже, когда сытно ешь и сладко пьешь, о суме и тюрьме помни».

«Вообще-то должен вам, братцы, заметить, что дядюшка Джо – так Сталина величал Черчилль – писал очень даже недурственные стихи».

«Гений и злодейство – две вещи несовместные? А очень даже совместные».

«Я давно убедился: горы уважают друг друга».

«Так жизнь свою куцую и прожил, не задирая головы».

«Бывают случаи, когда героизм и тот может быть жалким».

«Хороший анекдот – это смешная мысль в тюбике».

«Обстоятельней всех в душах людишек поковырялся Фёдор Михайлович». (Достоевский – М.З.).

«Вокруг всякой роли надо пахать нивку. Кругами. И чем шире круги те будут, тем глубже роль получится».

«Я бы всем поэтам прощал трусость».

«Слушать эпоху! Какая глупость несусветная! Слушать всегда надо человека».

«У Шота Руставели витязь на самом деле в барсовой шкуре. В крайнем случае – в леопардовой, но уж никак не в тигровой, как нам со школьной скамьи талдычат».

«Он так щедро лжёт, что поневоле ему веришь».

«Часто и радостно грею душу военным и послевоенным детством».

«А ты сам себе придумай Бога».

«Чистоту и простоту мы у древних берём. У современников можно разжиться лишь глупостью, наглостью и вселенским цинизмом».

«Гамлетовская тяжелая связь времен».

«Поэзия не любит натуральных величин».

«Это, возможно, и правда, но очень уж неумело размалеванная».

«Наш ЮП (так в театре звали Любимова – М.З.) не понимает, что деспотизм столь же непродуктивен, как и эгоизм. А ещё деспотизм близорук от того именно, что уверен в своей дальнорукости».

«Бог простит моё неверие».

«А Ваня Карамазов не зря говорил, что вопросы о Боге совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях. Кстати, фразы: «Если Бога нет, то все позволено», нет у Достоевского. Это уже потом ушлые толкователи её вывели из всего написанного Фёдором Михайловичем. И я не уверен, что правильно сделали».

«Есть поэзия салютов, а есть поэзия зарниц».

«Чтобы милость к падшим призывать, нужна очень большая смелость».

«И тогда я себе любимому сказал: «Володя, не вмешивайся в это гиблое дело!»

«Ну и что? Вон у Лермонтова «знакомый труп» лежал в долине, а стихи-то настоящие!»

«Жить лучше в мире «созданном вторично». И здесь я солидарен с Гамлетом и Пастернаком».

«Мне понравились твои рассуждения насчет того, что закон – это столб. Перепрыгнуть нельзя, но обойти всегда можно».

«Тут права на все сто Цветаева, сказавшая, что нельзя быть поэтом в душе, как нельзя быть боксером в душе. Умеешь драться – выходи на ринг и дерись, а не скули и не хныкай».

«Поймите, ребята, времена были такие, когда великодушные во всех проявлениях считались слабостью, а беспощадность во всех вариантах – силой. Нам поэтому многое из тех времён не понять. Мы то время меряем нынешними мерками и возмущаемся непонятливостью своих предшественников. А непонятливы-то мы».

«Истина обычно бывает тиха и скромна, а нам подавай непременно боевитую истину, что б через литавры».

... Мой молодой приятель, замечу: не самый бесталаннейший литератор в нашей стране, дочитав рукопись до этого места, вежливо поинтересовался:

– А чем вы докажете, Михаил Александрович, что все вышеприведенные цитаты принадлежат именно Высоцкому?

Признаться, я слегка тогда опешил, потому что никому и ничего не собирался доказывать. И лишь потом до меня дошел литературно-дотошный смысл профессионального беспокойства молодого литератора. Для него, бывшего в пионерском возрасте, когда Высоцкий умер, фигура последнего уже давно бронзовая. И видится она ему уже исключительно на постаменте, со всех сторон заботливо упакованная в диссертации. (Высоцкий действительно забронзовел в рекордно короткие сроки как ни один другой русский поэт. О нём уже и диссертаций написано столько, как о Пушкине). А тут полковник без пяти минут в отставке и безо всяких ссылок, сносок распинаятся на тему: «я и Высоцкий». И у парня невольно возникли подозрения: не плодит ли этот автор правдоподобных цитат «под Высоцкого», чтобы больше значимости придать собственному писанию.

Ах, милый мой, друг, заметил я тогда. Из-под моего пера вышла, благодаря Богу, уже не первая книга. И успел я понять за время своего «писательства» чрезвычайно важную истину: нельзя, невозможно ни в каком самом мудренном сочинении быть лучше, чем ты есть на самом деле, как и всякая цепь в мире не бывает сильнее самого слабого своего звена. Любая, даже предельно правдоподобная фантазия в художественном, тем более в документальном жанре, будет немедленно распознана и разоблачена умным читателем. И лишь голой правде он, может быть, поверит.

С другой стороны прав, наверное, был Валерий Золотухин: «В скорый поток спешных воспоминаний, негодований, видений и ликований о Владимире Высоцком мне бы не хотелось тут же вплеснуть и свою ложку дёгтя или вывалить свою бочку мёда, ибо «конкуренция у гроба» по выражению Томаса Манна, продолжается, закончится не скоро, и я, по-видимому, еще успею проконкурировать и «прокукарекать» свое слово во славу этого имени. И получить за это, что мне положено. Но сегодня просили меня, не вдаваясь шибко в анализ словотворчества поэта, в оценку его актерской сообразительности, не определяя масштабы явления, а так же без попытки употребить его подвиг для нужд личного самоутверждения сообщить какой-нибудь частный случай, пример, эпизод или что-то в этом роде, свидетелем которого являлся бы только я и никто другой. И я согласился, ибо такой частный факт (факт действительного случая или фантазия сообщившего) в любом случае непроверяем на достоверность: как скажу, так и было».

Ну, а с третьей стороны хотел бы я уметь сочинять «под Высоцкого»...

Не знаю, после всего, вышенаписанного стоит ли ещё как-то обосновывать, доказывать, оправдывать то незамысловатое обстоятельство, почему после смерти артиста и барда я взялся писать повесть «Босая душа или Штрихи к портрету Высоцкого»? Движущие мотивы, помимо, разумеется, тщеславия, были тогда у меня тоже простыми и незамысловатыми. Хотелось донести до людей собственный восторг уникальным творцом и тот факт, что я был с ним, если и не на «короткой ноге», то в отношениях очень добрых. Это как у журналиста Андрея Колесникова, написавшего книгу «Я Путина видел». Потом журналисту показалось мало, и он сделал другую книгу – «Меня Путин видел». Мне казалось, что повесть моя в этом смысле (что мы видели друг друга) получилась очень даже недурственной. Однако, сколько ни обивал пороги столичных издательств и толстых журналов, никого та работа не заинтересовала. Рецензент Воениздата Е.Ерхов оказался наиболее категоричным: «Представленное автором – это лишь некое число материалов о Высоцком, по-своему интересных, но требующих серьезного осмысления – ведь заявлена претензия на авторство! Работа предстоит немалая и нелегкая, и сказать под силу ли она М.Захарчуку я не могу – кроме безоглядного восторга творчеством (да и личностью в немалой степени) своего кумира ничего у него не нахожу». Этот, как выражался дед Щукарь из «Поднятой целины», увесистый «отлуп» расстроил меня донельзя. Вдохнул во мне силы, а заодно и уверенность в правоте собственного дела земляк, давно уже покойный писа-

тель Иван Фотиевич Стаднюк. Он очень хорошо, почти по-отечески ко мне всегда относился. Однажды мы с ним сидели, выпивали. Спрашивает: «Ты чего нос-то повесил?» А я возьми, да и пожалуйся на то, что его сын Юрий, командовавший тогда Воениздатом, «забодал» мою повесть о Высоцком. «Не бери дурное в голову, а тяжелое в руки, сто лет проживёшь, – флегматично заметил Стаднюк и достал свою записную книжку. – Вот позвони по этому телефону в Киев. Скажешь от меня».

Так я познакомился с редактором киевского толстого литературно-художественного журнала «Радуга» литератором Цюпой. Юрий Иванович быстро прочитал мой труд, позвонил и обрадовал: «Опубликую твою повесть. Только уговор: пусть предисловие к ней напишет отец Высоцкого. Против такого «тарана» не устоит не только редколлегия моей «Радуги», но и любая иная литературная крепость». В ответ я предложил сделать предисловие от матери поэта Нины Максимовны, с которой встречался не единожды. А с отцом даже не был знаком. Цюпа возразил категорически. Мать уже в средствах массовой информации до обидного примелькалась. А вот Семён Высоцкий до сих пор нигде не засветился.

Дальше события развивались следующим образом. Попросил я Янкловича познакомить меня с отцом Володи Высоцкого. Валера затребовал мою повесть для ознакомления. Возвращая, сказал, с обычной своей бесцеремонностью, почти нагловатостью: «Для меня здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать. Но публиковать вещь, безусловно, стоит. Ты знал Володю, и он к тебе хорошо относился. Это уже основание, повод, которым не каждый в нашей стране сможет похвастаться. Но вот твоё желание с Семёном законтачить – заведомая глупость. Намаешься со стариком. Там уже сплошные старческие комплексы. Впрочем, запиши его телефон: 221-04-01...».

Как в воду глядел Янклович. Долго и нудно я уговаривал сердитого, вспльчивого как спичка, Высоцкого старшего прочитать мною написанное. И потом ещё дольше корил себя за недалёковидную настойчивость. Хотя с другой стороны, как знать. Да и прав поэт, наверное, утверждавший, что «провиденю видно всегда дальше нашего куцега взора»...

Полковник в отставке Высоцкий продолжительное время не одобрял поступки и вообще жизненную философию своего сына. Однажды, после рюмки коньяку, даже признался мне, что из-за Володи у него «сикось-накось» пошла служба. Генералом не стал, хотя закончил академию Генерального штаба, и все его пятнадцать одноклассников из заочной группы лампы получили. Однако после смерти сына отец, к слову, весьма неглупый, если не сказать мудрый, человек, кардинально пересмотрел своё отношение и к своему, как ему когда-то казалось, непутевому отпрыску, и, главное, к его неординарному творчеству. Вот это признание дорогого стоит: «Я прошёл всю войну, всякое видел. И могу сказать, что сын был храбрее меня, своего отца. И храбрее, мужественнее многих. Почему? Да потому, что и я, и все мы видели и недостатки, и несправедливость, и глупость людей, нередко высокопоставленных. Но молчали. Если и говорили, то только в застолье да в коридорах между собой. А он не побоялся открыто сказать обо всём этом. И не с надрывом, а на пределе голоса и сердца. Внешний эффект, поза не были присущи поэту, певцу и артисту Высоцкому – главным в своей жизни и своём творчестве он считал честность и мужество. Он был настоящим патриотом».

На столь решительную переоценку ценностей наложились ещё и трагически нелепая смерть второй, чрезвычайно любимой жены Семёна Владимировича – Евгении Степановны Лихалатовой, с которой он познакомился на войне. (Женщину убила сосулька, упавшая с крыши собственного дома). Кроме всего прочего Высоцкого старшего начали донимать фронтовые раны. И без того с характером не сахар, Семён Владимирович стал свиреп и раздражителен до крайности. Читая «Босую душу» даже не в очках, а с лупой в руках (на самом деле с лупой!), он натурально терроризировал бедолагу-автора своими придирадками и замечаниями. Доставал меня, что называется, из-под земли. Однажды дозвонился ко мне в обкомовскую гостиницу... на Камчатке! И через двенадцать тысяч километров отчитывал: «Ну что за хре-

нотень ты тут понаписывал?! Да не могло быть такого, дурило! Это ж как надо не любить моего сына, чтобы написать: «Лучшим его другом был Валерий Янклович»! Да кто он твой Янклович? Он же по Нью-Йорку бегал и продавал Володины рукописи по 50 баксов за листок. Мишка Шемякин его поэтому таким барыгой на куриных ножках изобразил. Лучшего друга нашел! Да я тебе, не то что не подпишу эту хренотень, а порву её сейчас на мелкие кусочки и спущу в унитаз! Ты меня понял, пе-есатель, хренов?! Чего берешься за дело, которое тебе, дураку, не по плечу? Развелось вас, высокоцеведов, как собак не резаных на мою голову! Дустом бы вас поистреблять! Нинку (первую жену, мать Володи – М.З.) он (то есть я) всюду повыпячивал! А доблесть её только в том только и состоит, что родила парня. Но потом в упор сына не видела. Вот почему ты не написал о Евгении Степановне, которая даже трубы себе, сердечная, зашила, чтобы других детей не рожать, чтобы только Володю растить?! Вот это я понимаю самоотверженность женщины!

– Семён Владимирович, побойтесь Бога! Но о трубах-то мне, откуда было знать? – рас-терянно вопрошал я.

– А обязан знать, коли берешься за такое дело! Ты сто раз спроси-переспроси меня, других людей, кто близко знал Володю, как это умные люди – Крылов и Перевозчиков делают. Тогда и пиши. Нет, видит Бог: я почитаю-почитаю такую хренотень, да и сам за книгу о сыне возьмусь! И запомни: нет и не было никакой Ксюши! Заруби это на своем хохлацком носу. Давай будем каждую его подружку в историю тащить! Кто она такая твоя Ксюша? А ты её тут изображаешь чуть ли не главной Володиной любовью. Я тебе дам любовь! Я тебе морду набью за такую клевету на сына, и любой суд меня оправдает! Писатель-самоучка!»

Был я уже не рад, что связался со столь, мягко говоря, оригинальным рецензентом. К тому же Семён Владимирович показал-таки мою рукопись Андрею Крылову, безусловно, первому и главному высокоцеведу в стране, как первым и главным биографом барда со временем стал Валерий Перевозчиков, а хранителями его магнитофонных записей Александр Петраков и Михаил Крыжановский. И Андрей тоже раздраконил мою, как я уже откровенно признавался, на самом деле не шибко могучую работу. Но что мне оставалось делать кроме, как терпеть. Не мог я хлопнуть дверью в сердцах по многим причинам. При этом шкурный интерес, связанный с возможной публикацией повести в «Радуге», являлся причиной далеко не перво-степенной: я согласен был от написанного и отказаться. Однажды, когда «Семён» (близкие и знакомые только так его величали) достал меня своими придирками по самое никуда, я ему прямо заявил: можете порвать мою «Душу» и спустить в унитаз, как грозились сделать, – я не обижусь.

«Да ладно тебе залупаться, – сказал тогда добродушно и примирительно Высоцкий. – Ну, погорячился я малость. Так для пользы же дела воспитываю тебя, дурака. Намерение-то у тебя хорошее, я, что ли не вижу, не понимаю. И пишешь ты о Володе как можешь душевно, как у тебя получается, пишешь. Херово, сынок, другое: тебе же, как Эдику Володарскому, обязательно хочется показать себя, выпендриться. Чтобы потом все говорили: вон-де какой у нас Захарчук – орёл крутой! Каких фактов жареных наковырял. А я, видишь ли, об истории, о вечности думаю. Всё-таки умные люди со временем отдадут предпочтение тому, что отец сказал о сыне, а не бредням Володиных собутыльников. Это ж понимать надо, садовая твоя голова! И обижаться на меня не надо. Мало ли чего в сердцах не ляпнешь. Ты меня понял?»

После подобных рассуждений Высоцкого старшего, пожалуй, не все мои читатели в следующее признание и поверят, но факт остается фактом: со временем мы просто привязались друг к другу. Семён Владимирович отлично видел, что ничего, кроме искренней любви к Володе мною не движет: не кривил я душой, как в своё время перед сыном, так и затем перед отцом. И общался я с ним как с отцом собственным. Далее, мы со старшим Высоцким принадлежали к одному корпоративному ведомству – Войскам противовоздушной обороны, что для него никогда пустым звуком не являлось. А с некоторых пор и вообще стали однополчанами,

когда меня уже после августовского путча 1991 года назначили главным редактором журнала «Вестник ПВО». Высоцкий большую часть жизни прослужил в этих войсках. Из них же и уволился в запас с должности заместителя начальника связи Войск ПВО. Чистая, между прочим, генеральская должность была. Дом его по улице Кирова (ныне Мясницкая) одним концом был обращен к штабу Московского округа ПВО. После смерти второй жены он регулярно ходил туда обедать, поскольку не очень любил возиться на кухне, хотя сам себе и мог готовить под настроение очень даже прилично. Наконец, хоть и в разное время, но у нас с ним был один и тот же водитель служебной автомашины «Волга» – ныне здравствующий Виктор Иванович Волков! Семён Владимирович последнее обстоятельство полагал, чуть ли не мистическим, необычным – точно: «Ну, надо же, – не раз повторял почти изумлённо, – чтобы судьба-индейка так распорядилась: и тебя, и меня Витя возил. То есть, наши с тобой жизни были в его руках! А то бы я хренушки стал с тобой якшаться. Тем более, никогда бы не подарил тебе двухтомник Володин. У меня их и осталось-то штук десять не больше. Хорошо, если умру, а когда даст Бог жизни, и где я тогда возьму эти книги? Они же – золотые, ты хоть это понимаешь – зо-ло-ты-е!»

С некоторых пор показушный гнев и редко обоснованная сердитость Высоцкого перестали меня так уж сильно волновать, да и на убыль они пошли стремительно. Старик, слава Богу, понял, что перед ним не корыстолюбивый шустряк-самоучка, пытающийся выудить из благодатной ситуации пользу. Продолжал я к нему наведываться даже и после того, как он всё ж таки одолел мою рукопись. Окруженный родственниками покойной жены, которых, похоже, откровенно недолюбливал, он как бы в пику им частенько закрывался в комнате только со мной. Много рассказывал о своей жизни и службе: «Мне погони и карьера, сынок, кровью и потом достались. Одна война чего стоит. Сколько раз подле меня смерть впереди, сзади и сбоку стояла – этого тебе никакими словами не пересказать. А потом и развод не укрепил моего служебного положения. Не раз меня упрекали: коммунист, а жену с ребенком бросил. Идиоты, дебилы! Да я никогда с сыном не разлучался! Вместе с Евгенией Степановной мы холили его и лелеяли, на ноги поставили, вырастили, выучили. Этого даже Нинка, моя бывшая супруга, никогда не отрицала. Наоборот всегда подчеркивала, что у отца он жил как сыр в масле. И это, сынок, святая правда. Нинка бы в жизни не дала пацану того, что дали мы с Женей. В народе ведь не зря говорится: не та мамка, что родила, а та, что воспитала. И Володя это понимал, конечно, очень даже хорошо понимал. Но об этом мало теперь говорят и пишут. Как же: при живой матери они, видите ли, будут прославлять мачеху! И ты о том же своим хохлацким умишком, небось, кумекал, когда Нинке напел столько глупых дифирамбов аж на нескольких страницах».

Пытался я возражать в том смысле, что с Евгенией Степановной никогда даже не встречался, а у Нины Максимовны не раз бывал, она мне много порассказала о Володе, ни разу, при этом ни пол словом недобрым не обмолвившись о бывшем муже...

«А ты, простофиля, и уши развесил! Так почему же, в конце концов, ко мне приперся? Кру-гом через левое плечо и шуруй к Нинке. И пусть она возится с твоей дерьмовой писаниной. Ан, нет, ты хорошо понимаешь, что моё слово сейчас самое весомое и веское, если речь идёт о моём сыне. А раз так, то сиди и не вякай. И делай всё, как я говорю, тем более, что зла тебе я не желаю. Поэтому запомни: никакой наркоты, никакого распутства рядом со светлым именем сына я не допущу. На следующий день после его смерти знаешь, какой я бой выдержал. Ого-го-го! Толпы «законников», «друзей» и «доброжелателей» как шакалы на меня набросились: давайте отвезем тело в морг на вскрытие. А я им, сукам, так и сказал: только через мой труп получите труп сына! Этой сволоте тоже «жаренного» хотелось. Документально, видишь ли, намеревались подтвердить, что Володя принимал наркотики. Может быть, он пару раз там и вкололся, – отрицать не стану. Но чтобы был законченным наркоманом – с этим я никогда не соглашусь. И никаких документальных свидетельств, благодаря мне, на сей счёт в природе не

существует. А кто распространяет гнусную клевету на сына, то это уже на его совести. Вот так-то, сынок!

... Эх, Володя, Володя. Не всегда мы с тобой, правда, ладили, понимали друг друга. Ругались, было дело. И это факт, что я генералом не стал именно потому, что мне не раз тыкали в морду Володиными песнями. Мол, антисоветчик, вражина, клеветник ваш сын. И до тех пор, пока он будет заниматься подрывной деятельностью против советской страны и народа, вам генерала не видать, как собственных ушей. Вот так, открытым текстом мне много раз говорили мои начальники-суки и политработники-падлы! По их наущению и сам я не единожды беседовал с Володей на эту тему, чего уж там юлить. Ну время такое было, куда ж ты его денешь! Только вот теперь думаю: как хорошо, что не стал я нахрапом сына править под свой аршин. Ну, предположим, получил бы я те сраные лампасы и шитые звездочки на погонах. Ну и что? Ведь это же такое говно на фоне замечательного творчества сына, что даже говорить не о чём.

Нет-нет, ты это не пиши, не пиши. Это я для твоего кругозора говорю, чтобы ты понимал, почему я так строго стою на страже интересов покойного сына. Он – уже история. Пусть близкая, почти что руками её ещё потрогать можно, но это уже, сынок, история. И мы с тобой за неё несём ответственность, коль вместе хотим выпустить такую большую повесть «Босая душа»... Честное слово, мне этот заголовок очень нравится. Действительно у Володи босая, очень ранимая душа была, и я, родной отец его, не всегда это понимал, прости меня Господи, грешного...».

Сын своего времени, старший Высоцкий, увы, слишком утилитарно, одномерно, что ли понимал эту самую историю. Как и подавляющее большинство советских людей, воспитанных на советских же идеологемах, он искренне полагал, что биографии великих людей (а сына с некоторых пор железно и не без оснований считал великим) можно не только ретушировать, но и переписывать их на чистовик, без клякс и помарок, как диктант на школьную олимпиаду. А уж лакировать биографии и подавно не считал зазорным. И не видел в том ничего дурного, противоестественного. Но так, если честно, положи руку на сердце, можем ли мы ему быть теперь судьями? Лично я считаю – не можем.

... Долго ли коротко, но я всё-таки «уломал» Семёна Владимировича сочинить рецензию на «Босую душу». Вот она в первоначальном варианте: «О моём сыне сейчас написано много. Вспоминать, судить и рядить о нём стало престижным и модным делом. Не всё, что пишется о Володе равнозначно, есть много такого, что я, как отец, не могу читать без внутреннего содрогания и протеста. Чего стоит хотя бы нашумевшая книга «Владимир или Прерванный полет», где бывшая жена сына без зазрения совести утверждает, ни много, ни мало, что благодаря именно её заботам и радению мы имели такого замечательного поэта, актера и певца. Вдобавок, эта дама, походя, оскорбляет всех: родителей мужа, друзей его, Родину его, наконец, его самого. Сейчас речь о другом произведении. Принадлежит оно военному журналисту, и, отчасти, поэтому я, прослуживший в кадрах Вооруженных Сил почти три с половиной десятилетия, согласился написать предисловие. Но не только поэтому. Мне показалось, по прочтении этой вещи, что автор искренне любит и творчество Володи, и его самого.

Я не литератор и не могу давать профессиональной оценки повести. Скажу больше: сдаётся мне, что по строгому счету она вряд ли дотягивает до высоких литературных мерок. Но с другой стороны автор просто предлагает читателю штрихи к портрету сына, отраженные в зеркалах воспоминаний других людей, со своими пояснениями, оценками, воспоминаниями. Опять-таки, не со всеми из них я безоговорочно согласен. Однако то обстоятельство, что в целом, повесть правдиво отражает сложную жизнь моего сына для меня – несомненно. И, по моему, это главное. Вполне допускаю, что на некоторых читателей эта повесть не произведет ожидаемого впечатления. В ней действительно нет сногшибательных «откровений», чего-то такого, что могло бы прийтись по вкусу людям, любящим «клубничку». По мне же – так в этом и её достоинство. Потому что через замочную скважину, из-под стола, из-под кровати судьба

сына уже довольно живописанная. Вместе с тем обилие собранного и осмысленного материала в этой документальной повести должно заинтересовать даже взыскательного читателя. Не сомневаюсь в этом потому, что сам узнал отсюда кое-что новое.

В заключение хочу подчеркнуть: главное, что было в жизни Володи – его разнообразное творчество. О нём, в основном, и рассказано в повести, к которой я отсылаю читателей. С.Высоцкий».

Радости моей не было предела. Тут же связался с Киевом и по телефону продиктовал Цюпе предисловие. Он тоже был доволен. Однако спустя пару дней Семён Владимирович круто изменил своё мнение и само предисловие. В новой редакции оно уже звучало так: «Судить да ридить о Володе сейчас стало модно. Прежде всего, поэтому я не даю никаким публикациям о сыне ни предисловий, ни послесловий. Не делаю исключения и для этой рукописи, хотя прочитал её и поправил. Всё, что здесь теперь написано – правда». И – подпись, которая всеми прочитывалась как С Зысоцкий (буквы «С» и «В» Семен Владимирович соединял таким замысловатым образом, что получалось «З»).

Что случилось, почему моя повесть удостоилась не полноценного, а усеченного предисловия, – выяснить мне так и не удалось, хоть я и старался. Высоцкий старший как-то угрюмо помалкивал. А я же, грешным делом, так полагаю, что тут, скорее всего, кто-то из специалистов-высоцковедов постарался. Ну да ладно, дело, как говорится, прошлое. Тем более что для редакции и этих нескольких слов Семёна Владимировича оказалось достаточно. И была моя документально-художественная повесть «Босая душа или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого» опубликована в январском, февральском, мартовском и апрельском номерах литературно-художественного журнала «Радуга» за 1991 год. По тем, застойным, временам можно с уверенностью говорить, что успеха я добился безоговорочного. «Радуга» считалась очень авторитетным журналом не только на Украине, но и во всем Советском Союзе.

Рукописью моей Высоцкий-редактор занимался что-то около трёх месяцев. И за это время обкорнал её почти на четыре печатных листа! Правда, что никогда не самовольничал. Переписывая что-то, выбрасывая или просто меняя акценты, кипятился, ругался, но всегда, буквально по каждой измененной строке, ставил меня в известность. Ну, например, взял и выбросил приличный эпизод с тем самым дачным отоплением. «Ну, что ты, дурило, – сказал, – сыну в кореша-слуги набиваешься. До Янкловича тебе всё равно далеко, а люди подумают, что Володя хапугой был. Никто же не станет вникать в то, что ты сам со щенячьим восторгом взялся за то сраное отопление, которым Володя и не воспользовался ни разу в жизни!»

И опять же никакие мои контраргументы во внимание не принимались. Тем более что по большому счёту Высоцкий старший и тут был прав. В самом деле, я согласен был находиться при его сыне хоть денщиком, хоть сантехником, хоть на всяких побегушках. Ведь я же взялся за починку отопления, совершенно ничего в нём не смысла, и его, в конце концов, без меня переоборудовали на чугунные батареи.

Ещё мой строгий редактор Семён Высоцкий всюду вымарал Янкловича, как врага народа. Слишком его возмущало то, что Валерий Павлович, постоянно обхаживая мать поэта, Нину Максимовну, на него, отца, практически не обращал никакого внимания. А пробивной Янклович действительно очень много сделал для матери Володи в плане её бытового обустройства. И если старушка оказалась в итоге долгожительницей (прожила почти девяносто два года, умерла в 2003 году и похоронена возле сына – М.З.), то не в последнюю очередь благодаря по-настоящему сыновним заботам о ней Янкловича – это уже я где угодно готов утверждать. Что касается Володи, то Валера при нём несколько лет был и первым слугой, и первым советчиком, и первым собутыльником, и первым другом. Санчо Пансо не сделал столько для Дон Кихота, сколько сделал Янклович для Высоцкого. И данный факт, кроме Высоцкого старшего, редко кто из знавших театральную жизнь «Таганки» осмелится оспаривать. Тем не менее, в журнальном варианте моей повести нет даже упоминания о Янкловиче, на руках которого Владимир

Семёнович практически умер, которого артист, бард и поэт на самом деле ценил едва ли не выше всех своих многочисленных друзей, знакомцев. И это святая правда, даже не смотря на то, что порядочностью в понимании Высоцкого старшего Янклович, скорее всего, не обладал и не обладает. Ну так и что с того. Люди должны знать и помнить: у Высоцкого было по-настоящему два друга. Это – Валерий Янклович и Вадим Туманов. Но о последнем я не пишу исключительно потому, что никогда с ним обстоятельно не общался, хотя мы и встречались. Что же касается Валеры, то он по сию пору носит на груди медальончик, на котором выгравированы чрезвычайно тёплые, просто-таки проникновенные слова Владимира Семёновича в адрес Янкловича: «Любимый мой друг, Валерка! Если бы тебя не было на этой земле – нечего бы и мне на ней горло драть. Вдруг улечу сегодня, посему – целую, а уж про преданность и говорить не стоит. Будь счастлив!». Перед тем как отдать Марине Влади эту записку, Янклович перенёс её на серебряный медальон. Но даже и такой железный в прямом и переносном смысле слова аргумент на Высоцкого старшего не подействовал. Он мне по-солдатски кратко отрубил: «Янклович всё это сам придумал и бляшку специально смастерил да на шею повесил, чтобы цену себе набить и чтобы считаться лучшим другом Володи. А так Валера – всего лишь шестерка: был, есть и будет».

Доказывать Семёну Владимировичу обратное я не стал. Ничего не сообщил ему и о том, что при жизни Высоцкого Валерий Павлович ко мне всегда относился всё-таки если и не равнодушно, то уж с нагловатым высокомерием – точно. Радикально он изменил своё отношение лишь после смерти барда: мы с Янкловичем не то, чтобы подружились, но как-то душевно потеплели друг к другу. Думается, не в последнюю очередь и потому, что я за все годы после смерти Высоцкого не примкнул ни к одному из многочисленных посмертных кланов поэта, барда и артиста. Хотя с другой стороны я хорошо отдаю себе отчёт и в том, что вряд ли бы усилил собой хоть один из тех самых кланов, которых действительно с добрый десяток наберется. Но я от них – в стороне.

Опять же нет в журнальном варианте «Босой души» даже намек на последнюю любовь Высоцкого – Ксюшу. И тоже зря. Не смотря на то, что их разделяли 22 года: ему было около сорока, ей – 18, но для неё то была любовь первая и, судя по всему, очень сильная любовь. (Оксана Афанасьева, дочь литератора Афанасьева-Севастьянова, много писавшего для эстрады. Через два года после смерти Высоцкого вышла замуж за Леонида Ярмольника. – М.З.) Матерясь и возмущаясь, Владимир Семёнович всюду вымарал Ксюшу, с какой-то непонятной для меня ни тогда, ни теперь озлобленностью. Между тем Володя её любил такой испепеляющей любовью, что я даже боюсь её описывать, к ней прикасаться. Да и по жизни Оксана оказалась во всех отношениях отличной девушкой, женщиной, матерью. Сейчас у них с Лёней Ярмольником – чудная дочь Александра, пошедшая по стопам матери. К слову, Ксюша очень известный в стране художник-дизайнер. Закончила в свое время Калининское декоративно-прикладное художественное училище, в котором училась и моя старшая дочь Наталья. И еще такой факт: мама поэта Высоцкого Ксюшу сердечно признавала, как любимую девушку сына. То есть, читатель, должно быть, понимает, как всё сложно и неоднозначно обстояло в жизни поэта и в жизни людей, его окружавших.

Со скрипом зубовым Семён Владимирович ещё оставил в моей повести сильно усечённый рассказ о Марине Влади. И то с неперемным условием, что он лично добавит к её портрету несколько своих далеко не светлых красок, на коих тоже есть смысл остановиться. Он всегда с ярким возмущением говорил мне: «Ты посмотри, как эта хитрая стерва всю дорогу долбит одну и ту же тему: «Как я его любила и как спасала». И вообще у неё как-то так в продолжение всего повествования получается, что Володя только пил беспробудно, в литературе был дуб дубом, да ещё кое-как в театре играл. Но тут пришла заморская красавица писаная и по щучьему велению сделала из русского дурачка Емельки мировую известность. Не слабо, да? А ещё, обрати внимание, из книги по всему так выходит, что она якобы открыла сыну загра-

ничный рай, где, заметь, везде его возила, всё показывала. Словом, руководила им по жизни. Во всех путешествиях только она за рулем. Да Володя был от Бога водителем!

А вот-вот, смотри, что ещё она пишет: «В 30 лет ты был талантливым человеком, автором нескольких красивых песен. В 42 года – ты поэт, оставивший человечеству своё творчество». Ну не стерва, а?! Во-первых, что значит «красивых песен»? Да у сына отродясь не было «красивых», а были только дельные, проникновенные, за душу берущие песни. Во-вторых, откуда ты такая умная разумная взялась на наши головы? Известно ли тебе, фурии киношной, что Володя «Штрафные батальоны» в 64-м, а «Братские могилы» в 65-х годах написал. Ты ещё, колдунья затрёпанная, под стол пешком ходила. Может быть, без тебя он бы гораздо больше написал и дольше прожил на этом свете, но ты его, стерва, в могилу и свела!

Надгробие наше на могиле сына, в которое я вложил все свои и Евгении Степановны сбережения, эта хамка обозвала «наглой позолоченной статуей». Да ты сама наглая как базарная торговка! Это ж надо, так перед всем миром обнажиться в своей книжонке! Ни стыда, ни совести у бабы!

Обо мне посмотри, что пишет: «Жизнь его, – то есть моя, понимаешь, – приобрела значимость в этом замкнутом мире. Десяток офицерских семей там живёт под перекрестным наблюдением. От них несёт лицемерием пополам с водкой». Да кто она такая, чтобы мне, прошедшему всю войну, раненному, почетному гражданину чехословацкого города Кладно, кавалеру 26 государственных наград говорить это? Да в гробу я её видел после этого! И ей ли ковыряться в моих отношениях с сыном? Так после всего этого она ещё посмела мне заявить: давайте, мол, Семён Владимирович, не будем ссориться у Володиной могилы. Вот ты скажи мне: может ли быть большая беспардонность? Сам в могилу уйду, а ей руки не подам! И самое главное она не понимает, как нагадила нам всем в душу и живым и мертвым – вот что, сынок, обидно!»

...Семён Владимирович ненадолго пережил свою любовь, «милую, незабвенную мою, единственную Женечку». Умер он на 82-м году жизни. Завещал похоронить свой прах в могиле второй жены на Ваганьковском кладбище. Что и было сделано. На их могиле – две стелы впристык с барельефами. У фронтовика, кстати, была альтернатива: почтить рядом с сыном. Но такой вариант им даже не рассматривался...

Что ещё полагаю нужным добавить? Когда Высоцкий ушёл в мир иной – «улетел», как часто сам предрекал, – вокруг его дачи разразились просто-таки вселенская тяжба и скандал, ставшие достоянием СМИ. Марина Влади пожелала продать строение писателю Аркадию Сахнину. На что отец артиста и барда жёстко заметил: «Ничего у «колдуньи» не получится. Хотя она, говорят, даже бывшего помощника Брежнева к этому делу подключил. Марина не понимает, что связалась с таким жидом, который продаст, купит, ещё раз продаст, но уже в три раза дороже». Володарского и Влади Семён Владимирович на дух не переносил. Но в данном случае его симпатии были на стороне жены сына. И он в итоге оказался прав. Володарский с разгромным счётом выиграл тяжбу. Якобы он разрушил дачу по постановлению правления кооператива, но на самом деле косметически перестроил её, продал кинорежиссёру Петру Тодоровскому. Марина Влади в итоге не получила с дачи ни копейки. А ведь бесспорный факт, что принимала в её строительстве самое активное участие: «Твой друг уступил нам часть своего участка. Я рисую план: гостиную с камином и кухней, две комнаты, ванную, винтовую лестницу на чердак. С южной стороны будет терраса. Всё – деревянное и небольших размеров. Это семьдесят восьмой год. Фундамент в два дня заложила бригада строителей, которая делала гаражи для какого-то санатория. После концерта в Московском клубе газовщиков нам подводят газ. После ещё одного концерта нам положили паласы».

В этом месте, пожалуй, самое время привести некоторые выдержки из моих дневников, которые во многом дополняют мои же воспоминания.

21.01.90, воскресенье.

Единственное радостное событие последних дней – письмо полковника Ганчева, главного редактора военной газеты Болгарии «Народна армия». Сообщает, что даст десять подач моей повести о Высоцком «Босая душа». За последнее время я опубликовал её отрывки в отечественных военных газетах: «Советский воин», «На страже Заполярья», «Фрунзевец». Больше всех (по объёму) дала газета Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Оно и понятно: её редактирует мой большой друг, однокашник по академии Юра Отёкин. (Уже десять лет, как мы с ним окончили эту политическую alma mater!) Литературный редактор киевского толстого журнала «Радуга» Юрий Цюпа обещает дать «Босую душу» сразу в четырёх номерах. Это значит – полностью. Ну как тут собой не погордишься?

5.03.90, понедельник.

Воениздат в итоге «кинул» меня сразу с двумя рукописями. Книгу о Высоцком «зарубил» некий рецензент Евгений Ерхов. Сборник «Деятели культуры об армии» издательство набрало, разослало уведомления по всей стране, собрало 28 тысяч (!) заявок и... рассыпало набор, как «не имеющий перспективы». Сегодня бы такие тиражи. Не помогло мне даже то обстоятельство, что предисловие к сборнику написал лично начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерал армии Алексей Дмитриевич Лизичев. Слава Богу гонорар в 9 тысяч выплатили.

18.05.90, пятница.

Позвонила моя подруга Пепи Карамитрева-Ходулова и радостно сообщила, что болгарский Воениздат взялся за выпуск моей книги о Высоцком. Вот бы утёрли нос братушки своим советским коллегам!

16.07.90, понедельник.

Общался по телефону с отцом Высоцкого. Он согласен в принципе ознакомиться с моей рукописью и сделать для неё короткое предисловие. Но сказал: пусть с этой просьбой к нему письменно обратится редакция журнала «Радуга». «А то вдруг они не захотят печатать тебя, а буду трудиться впустую». Сначала я чуть было не возмутился, а потом смекнул, что для меня такой вариант и лучше. Тут же связался с Киевом.

18.07.90, среда.

Позвонил Слава Лукашевич из отдела литературы и искусства «Красной звезды». Отдыхал в Болгарии и прочитал в тамошней военной газете мою повесть про Высоцкого «Босая душа» с продолжением. И просто сообщил об этом. Никакой оценки в его словах я не уловил. Слава на похвалу, как и вообще на душевное доброе движение скуп донельзя. Мы с ним поддерживаем хорошие отношения, хотя и оба знаем, что он пришёл как бы на моё место в самый элитный отдел главной военной газеты. Слава усиленно демонстрирует из себя поэта. Подарил мне недавно сборник своих стихов. А я взял и тиснул на них очень приличный отзыв в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Весьма удивлённый Слава поблагодарил меня за «тёплое» слово. Ну, вот есть же отличная возможность, как говорят поляки, среванжироваться – напиши пару строк в «Красную звезду» о том, что её бывший сотрудник публикует в братской военной газете свою повесть. Только скорее саму газету закроют, нежели в ней появится заметка подобного содержания. Да и в голове Лукашевича никогда такая мысль не мелькнёт. Мстительный краснозвёздковский шовинизм и есть та главная беда, которая меня от газеты стойко отвращает. «Звёздочка» как и социалистическая родина, относится к своим детям, словно мачеха к приёмным.

...Меж тем у Славы есть строфа, которую я никогда не забуду даже притом, что память моя очень слабо дружит с поэзией: «Я родился в сорок первом, за неделю до войны. Мне поэтому, наверное, не хватает тишины». Лукашевич родился совсем в другое время – это я знаю точно. Но поэтическая строфа достойная в высшей степени. Это настоящая поэзия.

30.08.90, четверг.

Сумасшедшая неделя. За три дня идеологического совещания выдал свыше двадцати материалов на разные ленты ТАСС! Это пять газет формата «Правды»! В паузе проведаль Семёна Владимировича Высоцкого, живущего недалеко от штаба Московского округа ПВО. Пробыл у него почти три часа. Не забыть записать его военные воспоминания и о трёх годах пребывания в Германии. Там Володю учил некий Кутюхин. А писать племяша научил в 3 (три!) года «мой брат Лёша». Ещё от Семёна Владимировича узнал, что: «С Изой Володя прожил 3 года, с Людой 7 лет, с «колдуньей» 10 лет». У него, оказывается, была сводная сестра Лида и двоюродная Ирена, с которыми Володя всегда поддерживал очень хорошие отношения. Оказалось, что и лечиться от наркозависимости первым потребовал от сына... отец. Вот уж неожиданный для меня поворот. Ещё выяснилось, что Любимов однажды позвонил Семёну Владимировичу и потребовал: «Вы уж там как-нибудь повлияйте на своего сына-антисоветчика!». На что получил ответ: «Зарубите себе на носу, дорогой товарищ: у меня нет сына-антисоветчика!» Вот это, я уверен, – железобетонная правда. Ибо с Любимова станется...

1.09.90, суббота.

Собираюсь на встречу с Людмилой Абрамовой. После этой точки ничего более не написать, и через лет двадцать, а при моей памяти и того меньше – понятия не буду иметь, что за Абрамова и почему я первого сентября, когда детки после каникул в школу топают, иду на встречу с этой дамой. Меж тем, она – вторая жена Володи Высоцкого, мать его сыновей Аркадия и Никиты. А вот это – уже история.

3.09.90, понедельник.

Сегодня с утра заведующий нашей Военно-политической редакцией ТАСС Комаров устроил нервотрёпку из-за того, что я, будучи вчера дежурным, не выпустил на ленту какую-то вшивую фитюльку из ГДР. Находясь в элегически-философском настроении, я почти меланхолически брякнул: «Лишь бы такие сложности, уважаемый Николай Яковлевич, нас с вами впредь преследовали. Тем более, что по моим прикидкам вашей ГДР осталось существовать от силы пару-тройку недель» – «До тех пор, пока стоит СССР, не упадёт и ГДР. Так что из вас никудышный оракул и не очень ответственный работник, если вы не оценили всей важности вчерашней информации».

При таком повороте продолжать спор – себе же дороже. Извинившись, я взялся за свою основную работу. Отнёс НГШ Сухопутных войск генерал-полковнику Гринкевичу интервью ко Дню танкиста. На обратном пути забрал у генерал-лейтенанта Стефановского подписанный и выправленный им материал. Затем отправил на союзную ленту заметку об экспозиции на ВДНХ, посвящённой творчеству Высоцкого. Интервью с Людмилой Абрамовой подготовил для ленты «Звезда-1» и «Звезда-2». Почему-то на выпуске решили направить его целевым порядком в Тверскую областную и Татарскую республиканскую газеты. Даже не стал уточнять, зачем выпускающие это делают. На моём гонораре, тем более, такая рассылка всё равно не отразится. Некоторые выдержки из этого интервью:

«– Людмила Владимировна, почему вы более десяти лет нигде о себе не заявляли, словно бы дали кому-то обет молчания? А потом от вас косяком пошли интервью газетам и журналам, выступления на радио и телевидении?»

– Видите ли, сразу после смерти Володи я вдруг поняла, что тот высочайший уровень человеческого единства, который был в день Володиных похорон, сменился, к великому сожалению, каким-то массовым непониманием. Очень многие из тех, кто хорошо знал Володю, как бы отвернулись друг от друга. Мне было досадно и больно смотреть и понимать: вот люди, которых любил Володя, которые его любили, а они друг другу руки не подают, говорят друг про друга плохо. Первым движением моей души было жгучее стремление всех сразу помирить. И я замолчала, если хотите, замкнулась в себе, хотя слова эти очень приблизительно выражают мое тогдашнее состояние. Мне, правда, и жизненные обстоятельства помогли с таким выбором: с новым мужем мы уехали в длительную командировку в Монголию. А вот теперь вижу, что правильно сделала, дав себе обет многолетнего молчания. Это позволило мне сегодня быть объективной, ни на кого не накопить зла, не примкнуть ни к одному из многочисленных «кланов». Когда начала создавать Дом Высоцкого, мне стали помогать представители всех этих «кланов».

– Как вы познакомились с Владимиром Семеновичем?

– Мы встретились в Ленинграде, на съемках фильма «713-й просит посадки». Я увидела перед собой коренастого, крепко сбитого, симпатичного парня, слегка выпившего и уже побывавшего в какой-то передраге: на голове – ссадина, рубашка расстегнута, без нескольких пуговиц. Первая мысль была: как обойти этого, по всей видимости, драчуна? И уже вариант возник, а он возьми да и попроси денег взаймы.

Есть судьба или нет – утверждать не стану, но в ту минуту я сразу поняла: этому человеку надо помочь. Но поскольку у меня денег не было, начала их поиск. Попросила у администратора – она отказала. Обошла знакомых – результат тот же. И тогда я дала Володе свой золотой перстень с аметистом. Даже по тем временам вещица была отнюдь не безделушкой. К тому же – фамильная ценность, перешедшая ко мне от бабушки. Но меня тогда меркантильные соображения не посещали. А в конкретном случае – тем более. Ведь создавалась чрезвычайно неприятная ситуация – Володю за участие в бурной ресторанной сцене собирались сдать не то в милицию, не то сообщить на студию. Вот он и отнес перстень с условием, что к нему не будет никаких претензий, и что утром он выкупит свой залог. После этого Володя поднялся ко мне в номер, и мы познакомились поближе... И решили потом жить вместе.

Моя семья была шокирована моим решением выйти замуж за Володю. По-житейски их понять вовсе не сложно: родители чрезвычайно редко безоговорочно одобряют выбор своих детей. Старшим всегда кажется, что сами бы удачливее и толковее поступили. Так что нас мои приняли поначалу более чем прохладно. И Володина мама – Нина Максимовна – отнеслась к нам сдержанно из-за того, что сын еще был женат на Изе. Семен Владимирович и его вторая супруга тетя Женя приняли меня потеплее.

В 1962 году у нас родился Аркадий, через два года – Никита. А расписались мы только в июле 1965 года после одного страшного случая. Не буду о нем рассказывать, но тогда Володя понял – надо. И ему пришлось своих сынов практически «усыновлять».

Не думаю, что буду неправильно кем-то понята, если скажу, что мы вырастили хороших детей. Несмотря на трудности, несмотря на разные жизненные невзгоды, я не могу ни себя, ни Володю упрекнуть в том, что мы когда-нибудь лукавили со своими сыновьями, что вели себя по отношению к ним недостойно.

Володя, к слову, никогда никакой домашней работой не брезговал. И пеленки сам стирал, и на руках детей таскал, и за молоком бегал. Он вообще любил делать домашнюю работу, никогда не усматривал в ней ущемления своего мужского достоинства, делал ее артистично и весело.

Без детей он всегда скучал, беспокоился за них. В этом отношении ничуть не отличался от многих других отцов, которые тревожатся о детях больше матерей, потому что просто меньше знают детскую специфику, детский мир. Например, Володя всегда очень бережно держал малы-

шей на руках. Ему казалось, что у них очень мягкие кости, и поэтому как бы чего не вышло. Никогда не сюсюкал с мальчиками. И не только с нашими, но и вообще с детьми. То есть, я никогда от него не слышала каких-то специально детских словечек уменьшительно-ласкательного характера. Как со взрослыми, как с равными он обращался с детьми, и это обстоятельство очень благотворно сказывалось на наших чадах.

Когда мы расстались, никаких изменений в отношении к детям у Володи не наступило. Мы ведь разошлись без скандалов, без оскорблений.

– Какими остались в вашей душе, в вашем сердце последние встречи с Высоцким? Что можно выделить в них главным, доминирующим моментом?

– Опять-таки – заботу о детях. К тому времени Аркашка уже перешел в десятый, Никита – в девятый класс. Володя однажды вызвал их к себе на Малую Грузинскую. Они полдня провели вместе. Потом и меня Володя упросил приехать к нему. (Кстати, то был единственный раз, когда при его жизни я побывала на его новой квартире).

– А как вы относитесь к Марине Влади и к её творчеству? Потому, что я знаю: Семён Владимирович категорически не приемлет ни то, ни другое. Нина Максимовна в этом смысле гораздо более терпима...

– Ну что ж, написала она такую книгу, я ей (Марине) не судья. Никаких претензий лично у меня к ней нет. А к тому, что она написала... Понимаете, это все очень не просто, в двух словах не хочу говорить. Мне не хотелось бы, чтобы познакомившись с моими суждениями, люди начали какие-то сравнения на кухонно-обывательском уровне. Все мы взрослые люди, у всех у нас была своя жизнь, свои понятия о добре и зле, никто за нас не решал космических вопросов бытия. Поэтому у меня нет вражды к Марине, как никогда не было к Изе. Есть горечь, что у неё враждебное отношение к моим детям. Но, думаю, это пройдет. Жизнь ведь очень мудрая».

09.09.90, воскресенье.

Написал полковнику Ганчеву письмо. Недвусмысленно намекнул, что не прочь провести «коллег-братушек» в счёт своего гонорара.

Из Воениздата вернули рукопись «Босой души» с правильной в общем-то рецензией некоего Евгения Ерхова. Но мне не рецензия нужна, а книга.

Смотрел выступление Абрамовой по ТВ «Россия». Немного Людмила пережимала, переигрывала, местами даже упивалась собственной «нелёгкой судьбой». А чего там нелёгкого. Конечно, курица – не птица, Монголия – не заграница. Но всё-таки десять лет они вдвоём с мужем получали там двойную зарплату и сумели обойти, как корабль рифы, – «закат застоя и разгар перестройки», когда мы тут все в очередях сутками простаивали. Хорошо то, что она взялась за сохранение творческого наследия своего гениального мужа. Полагаю, что и сыновей к этому делу пристроит. И они семейным, так сказать, подрядом будут действовать по увековечиванию памяти Высоцкого. Хотя, опять-таки, чего там увековечивать. Собирай всё и по полкам расставляй.

...Почему-то именно сейчас вспомнились Володины строки: «И с меня, когда взял я да умер,/ Живо маску посмертную сняли/ Расторопные члены семьи, – / И не знаю, кто их надомил, – / Только с гипса вчистую стесали/ Азиатские скулы мои».

Мне такое не мнилось, не снилось,/ И считал я, что мне не грозило/ Оказаться всех мёртвых мертвей./ Но поверхность на слепке лоснилась,/ И могильную скукой сквозило/ Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,/ В пасти палец,/ Подойти ко мне с меркой обычной/ Опасались,/ Но по снятии маски посмертной – / Тут же, в ванной, – / Гробовщик подошёл ко мне с меркой/ Деревянной...

А потом, по прошествии года, – / Как венец моего исправленья – / Крепко сбитый литой монумент/ При огромном скопленье народа/ Открывали под бодрое пенье,/ Под моё – с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась – / Из динамиков хлынули звуки,/ С крыш ударил направленный свет./ Мой отчаяньем сорванный голос/ Современные средства науки/ Превратили в приятный фальцет...».

6.09.90, четверг.

Генерал Гринкевич прислал за мной свою машину. Битых два часа просидел в его кабинете, выслушивая «начальнические замечания». Вернулся в ТАСС к обеду. Девки мои сразу потянули в буфет. Юлия Шалагинова принесла «Литературное обозрение» № 7 с письмами Высоцкого. Бляха муха, всё бросил и стал читать. Какой же молодец Володя в элементарном эпистолярном жанре! Жаль, что я раньше ничего не знал о существовании столь дивных писем. И Абрамова помалкивала. Не иначе, как эта обширная публикация дело её рук. Читаю и наслаждаюсь. Великий человек даже в простых письмах велик и значим.

7.02.91, четверг.

Звонил Людмиле Абрамовой. Ещё в прошлом году отнёс ей нашу беседу и ни слуху, ни духу. Интересуюсь, в чём дело? Ей, видите ли, не всё понравилось. Ей-богу, странная женщина: сама себе не нравится. Ведь я же расшифровал с диктофона нашу с ней беседу. Это идёт либо от высокой требовательности, либо от лени и неорганизованности. Потому что я бы на её месте уже давно выправил бы интервью, как сам его вижу и понимаю. Но Людмила, видать, больше на словах мастерица. Во вторник договорились встретиться в строящемся музее Владимира Высоцкого.

12.02.91, вторник.

Утром поднялся с постели мокрый, как кутёнок после дождя. Даже супруга заметила, что пижама моя влажная. Если бы не оговоренная встреча с Абрамовой – хрен бы в таком гриппозном состоянии я покинул дом. Однако закутался в отцовский тулуп и поперся на Таганку, поминутно шмыгая носом. У входа в театр столкнулся с Романом Карцевым. Поздоровались. Вряд ли он вспомнил нашу случайную встречу в ТАССе, хотя мы даже кофе тогда попили вместе. Долго сидел в комнате, сильно смахивающей на предбанник перед кабинетом начальника. И смущался тем, что под ботинками образовалась водяная лужица. Показался временный директор Андрей (фамилию его я запомнил). Сообщил, что Людмила Владимировна будет обязательно. Когда она неуклюже возникла в дверях, вода под моими ногами уже высохла. Как-то суетливо и почти заискивающе помог я Абрамовой снять шубу. В это время зашла, по всей видимости, её коллега, и две женщины взахлёб стали обсуждать... сорта лучших сигарет, как будто меня в комнате не существовало. Лишь потом мы остались одни. И оказалось, что «мать детей Высоцкого» (так Абрамова с гордостью сама себя постоянно именуется) «где-то потеряла» рукопись нашей с ней беседы! Двенадцать раз я провёл языком по нёбу. Что это? Врождённая рассеянность или хитрый, коварный ход? Нет материала, значит, нечего и подписывать? Возможно, мне стоило повести себя жёстко? Хрен его знает. Абрамова мямила какие-то глупости насчёт того, что наша беседа получилась нудной, тягучей, скучной, пресной. Это не я – она наворачивала сии уничижительные эпитеты. Но, милая моя, «славная женщина», кто же тебе виноват, что ты именно так отвечала на мои вопросы? Причём я их ещё чистил, шлифовала и в меру отпущенных сил облагораживал. Так что мне ничего не оставалось, как уничижительно разубеждать привередливую «мать детей» в том, что на самом деле мы говорили очень даже содержательно. Просто-таки идиотская ситуация. Короче, я проделал немалый труд, а эта дама, на которую вдруг обрушилась шальная популярность, вроде как за нос меня водит. Ни дать, ни

взять – сама собой любит, своей наигранной принципиальностью красуется. Видите ли, в ФРГ ей сейчас предстоит лететь, поэтому мы в ближайшее время не сможем встретиться. А не очень-то и хочется. Тем более, что принципиальных замечаний у субъекта нету – так жидкая кислота суждений. И мы договорились: я публикую интервью без её подписи в газете Белорусского военного округа «Во славу родины», закидываю Абрамовой газету, и она на ней будет уже резвиться в своих уточнениях и дополнениях. «Вы же крамолы там, надеюсь, не написали?» – «Никак нет!», – опять же как-то излишне суетливо ответил я. На том и расстались.

23.03.91, суббота.

Позвонила из города моей юности Винницы Таиса. Купила и прочла в двух журналах «Радуга» мою повесть про Высоцкого. Чего тут изобретать душещипательные фигуры: сообщая бывшей своей любви о публикации, я в душе и рассчитывал на её похвалу. Выслушал восторги. Тоже не плохо.

28.03.91, четверг.

Утром получил 300 рублей перевода из Киева за первый кусок своей повести о Высоцком. Пошёл на почту. Все улицы в радиусе Садового кольца перегорожены и перекрыты. Несколько раз предъявлял удостоверение корреспондента ТАСС. Иначе бы хрен прошёл.

Игорь Фесуненко вместе с Леонидом Кравченко интервьюировали Горбачёва. Вспомнилось, как мы с Игорем Сергеевичем славно бражничали на родине Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко в Красноярском крае. Поднимая очередную рюмку, Фесуненко обязательно приговаривал: «Ну, дай Бог, не последнюю!»

2.04.91, вторник.

Разговаривал по телефону с Семёном Владимировичем Высоцким. Он только что вернулся из госпиталя имени Бурденко. Поинтересовался я его здоровьем и нарвался на грубость: «На кой хрен слова зря переводить и спрашивать у 76-летнего человека про его здоровье?» – «Вам не угодить. В прошлый раз обижались, что я сразу за решение шкурных вопросов берусь, не поинтересовавшись даже вашим здоровьем» – «Ну ладно, чего надо-то?» – «Мне лично ничего не надо. Хотел вам принести журналы «Радуга» с повестью о Володе» – «Так и чего ждёшь?» Поехал. Разговора не получилось. Семён Владимирович при мне полистал журнал и сослался на плохое самочувствие. Правда, заметил, что в госпитале, от нечего делать, посчитал и по его скромным прикидкам получается, что только в столице существует около двух десятков различных кланов, которые под различными предложениями пытаются оккупировать светлое имя его сына. А по всей стране их и того больше. Мысль интересная, но я не стал её развивать, чтобы старика не обременять своим присутствием. Уже начал напяливать на себя плащ, как Семён Владимирович спохватился и предложил мне рюмку коньяку. Только я вежливо отказался. Без вас, мол, пить не буду, подожду, когда вам врачи разрешат употреблять. «Боюсь, что можешь и не дождаться», – как-то очень апокалиптически отрубил явно не в духе старик...

13.04.91, суббота.

Разговаривал с Людмилой Абрамовой. Оказывается, ни в какую ФРГ она не ездила. Но фотографии дать мне «мать детей Высоцкого» тоже сейчас никак не может, поскольку ездит к больному отцу и дома не бывает. Идею мою насчёт организации сбора денег в фонд строительства музея Высоцкого она, разумеется, одобряет. И то добро. У меня закрадывается такое впечатление, что Люся подозревает подполковника Захарчука в корысти. Правда, напрямую она мне такого не говорила. Так что возьмись я за её разубеждение – попаду в неловкую ситуацию. А недоброе, досадливое чувство меня не покидает...

6.05.91, понедельник.

Позвонила Лариса Голубкина. Пригласила на творческий вечер, посвящённый присвоению ей звания народной артистки России. Не успел положить трубку, как снова раздался требовательный звонок. На проводе был Семён Высоцкий: «Тебе, что каждый раз высылать приглашение по почте?» – «Сейчас возьму и приеду – не возражаете?» – «Жду». Застал его в хорошем настроении. Пили чай с коньяком.

– Прочитал я те два журнала, что ты мне передал. Слабовато, конечно. Далеко тебе ещё до того же Валеры Перевозчикова. О Крылове уже не говорю – мастер. Умеют эти ребята писать и умеют пытаться. В смысле брать за яйца, да хотя бы даже и меня. А ты ещё такой солдат-первогодок, гусёнок неоперившийся. О многом тебе можно было ещё написать.

– Ну так вы Перевозчикову всё рассказываете, а меня на сухом пайке всегда держите, как будто я в чём-то перед вами провинился.

– Может, ты и прав. Может, и нужно было мне рассказать тебе кое-что интересное. Но я, честно говоря, не верил, что у тебя что-то получится с публикацией этой «Босой души». А вот получилось. Так вот запомни сам и другим передай. Во времена, когда Нина Максимовна занималась Володей, у него был только один настоящий друг – Севрюков. Все остальные друзья появились уже в моё время. И всю жизнь они крутились у меня, на Большом Каретном. А кто их там опекал? Евгения Степановна, Лида Сарнова, да ещё Лидин муж – Левка Сарнов, это мой друг детства. Я же полтора года служил в Киеве, – и они все вместе воспитывали там Володю. А в это время Нина Максимовна сожительствовала со своим хахалем Жорой Бантошем, который бил Володю! Бил! Ты представляешь, сволочь такая! Я однажды взял этого Жорика за грудки: «Я тебя, говорю, падлу, по стенке размажу!» А тот Жора был куда здоровее меня. Врезал бы – я далеко покатился. Но трусливый такой, сцыкун. Испугался: «Я сейчас в милицию пойду!». А я говорю: «Да не дойдешь ты, мудака и гнида, до милиции – урою!». Это когда Нина Максимовна прислала ко мне Володьку. Тогда Жора первый раз побил Володю, и бросил в него какую-то бронзовую статуэтку. Вот попал бы в голову – и не было бы моего сына! Но Володька как-то увернулся. Вот тогда-то Нина и закричала: «Иди к папе!».

А ведь у меня есть абсолютно четкий документ, что суд Свердловского района Москвы присуждает сына отцу. Так там было и написано. Из-за несовместимости жизни матери и её незаконного мужа с моим и её родным сыном. Нина с Бантошем ведь была не зарегистрирована. Прохиндей Жора не хотел расписываться с ней. Так вот, была несовместимость их жизни с жизнью моего сына. А теперь ей надо оправдаться. И она ещё имеет нахальство получать все эти награды, причем я ничего об этом не знаю. Мне звонят и говорят: «Семён Владимирович, мы сегодня вручаем «Свидетельство о звезде Высоцкого», – «Кому вручаете?» – «Вам! Как, вы ничего не знаете? А мы уже три месяца назад сказали Нине Максимовне. Она давно готова. Она даже подарки приготовила – книгу «Нерв» и ещё что-то». А какое она имеет отношение к этой награде? Какие-то мисочки из гжельского фарфора подарила. Да какое она имела право?! Ты представляешь если бы я туда явился! И что бы со мной было?! Ей бы там все кланялись, – ну я бы и не выдержал! Наговорил бы ей прямо там. Но я ей все это простил. И я ей закрою глаза, когда она умрет. Что бы там в нашей жизни не случилось, я всегда буду помнить: мы с Ниной родили Володю.

Хотя мы с ней никогда хорошо не жили. И Володя это знал, и Володя на это не реагировал. Конечно наши разногласия для него даром не прошли. И к матери родно он всегда относился трепетно. Когда Нине что-то было нужно – холодильник там, путёвка, хорошая больница, – Володя всегда всё ей делал. А однажды Нина попросила Володю через Евгению Степановну – вернуть ей ключи от квартиры на Малой Грузинской. Ведь когда она приходила к нему, то все бумаги на столе раскладывала под разные ленточки: под красную, под белую, под голубую. А Володя приходил домой и не знал, что, где искать. И однажды он забрал у неё ключи. А Евгения Степановна их вернула. Тоже понимала: сына от матери отделять нельзя. Кстати, ты знаешь,

что Евгения Степановна со дня смерти Володи не выходила из больниц? Инсульт перенесла, и вообще ходила еле-еле. Потому что Володя – это было единственное в её жизни, чем она дорожила. Она и мной дорожила, конечно, но Володей – больше».

Давно Семён не был со мной так откровенен. Жаль, что всё это не попало в мою рукопись. Тем более, что рассказывая мне всё это Семён по обыкновению не предупредил: ты это не записывай.

11.05.91, суббота.

Позвонил Евгений Андреевич Крылов. Ему мой телефон дал Семён Высоцкий. Есть у составителя двухтомника поэта, артиста и барда существенные, как сказал, ко мне претензии. Ну что ж, надо и через это пройти. А что же я хотел ввязываться в настоящие мужские игры и получать за то лишь гонорары? Нет, брат Мисько, ты подставляй шею и тебе её с удовольствием намылят. И будут правы. Однако беда в том, что «главный высококовед страны» разговаривал со мной, как с пригостишкой, через верхнюю губу, с гонором и сердитостью в голосе. «Понимаете, у вас на каждой странице – нелепость». Так уж и на каждой. И у меня отпала охота с ним встречаться...

3.03.92, вторник.

Занимался распределением 150 билетов на презентацию нашего женского номера журнала «Вестник противоздушной обороны», где я назначен главным редактором. Всем сотрудникам выделил по два. Передовикам и ударникам коммунистического труда – плюс ещё один. Двадцать билетов – для представителей СМИ. Десять для ветеранов редакции. Подумал и добавил ещё столько же. Пусть лучше у кого-то они пропадут, чем кто-то обидится. На эту «щедрость» меня, откровенно говоря, подвинул Семён Владимирович Высоцкий. Пару дней назад я отправил ему пригласительный билет, подписанный лично командующим Войсками ПВО генералом В.Прудниковым. Старик тут же позвонил: «Ну ты же не дурак, прекрасно понимаешь, что я теперь уже на такие сборища не ходок. Но то, что вспомнил обо мне, когда тебе хорошо, когда твой журнал в Доме кино буду нахваливать – это дорогого, сынок, стоит. Я тебе так скажу: если и дальше будешь шагать по жизни, не задирая носа, помня о людях которые с тобой, вокруг тебя – многого добьёшься. Не забывай меня, навещай». Он говорил, а у меня пощипывало в уголках глаз и слегка в горле першило. Семён хороший старикан, хоть и малёк brutальный. Но прожить такую жизнь и остаться благодным невозможно. К нему я успел привязаться. По-моему и он ко мне – тоже. Да, сто раз был прав Джон Локк: «Память – это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом».

25.01.95, среда.

Татьянин день и день рождения Высоцкого. У России самая сильная поэзия в мире. Хорошие поэты были в Англии, Франции, Германии, Испании, во всех славянских странах. Однако такой плотностью служителей Лиры, какая была и есть в России на душу населения никакая из перечисленных стран похвастаться не могла раньше, теперь – и подавно. Есть у нас и недостижимые для прочего мира вершины: Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Ахматова, Пастернак. А всё равно Высоцкий – самое большое поэтическое явление последних десятилетий. Уникальное, неповторимое, где-то даже мистическое. Примерно двадцать лет назад меня сподобило этой истиной глубоко проникнуться и близко познакомиться с поэтом, артистом, бардом. Сегодняшняя дата Владимира Семёновича как-то почти незаметно прошло мимо меня. В будущем я ещё не раз вернусь к его памяти, к нашим с ним отношениям. Хотя бы потому, что очень точно заметил Перси Шелли: «Никогда так не нужна поэзия, как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчёта количество материальных благ растёт быстрее, чем способ-

ность освоить их согласно закону души». Времена нынче действительно гнусные, и бежать от них лучше всего в поэзию.

12.03.95, воскресенье.

Смотрел телепередачу о творчестве Михаила Шемякина. В моей рукописи мало написано о дружбе Высоцкого и Шемякина. Между тем из профессиональных музыкальных записей Владимира Высоцкого ни одна не может соперничать с коллекцией Шемякина по объёму, чистоте звучания, исключительному подбору песен. Эти записи уникальны тем, что Высоцкий пел не для пластинки, а для близкого друга, чьё мнение он ценил чрезвычайно высоко. Записи сделаны в Париже в 1975–1980 годы в студии Михаила Шемякина. Аккомпанировал Высоцкому на второй гитаре Константин Казанский. Записи были изданы только в 1987 году, после обработки в Нью-Йорке Михаилом Либерманом. Серия включает в себя 7 пластинок. К сожалению, ни одной у меня нет. В память о творчестве В.Высоцкого, Михаил Шемякин создал серию литографий, посвященных песням и стихам Владимира Семёновича. Два последних года художник выставляет свои картины в «Доме Нащокина». Но я эти выставки тоже не посещал. Это не только свидетельство моей лени, но и некоторая эстетическая огрубелость, против которой следует бороться, как против коросты.

3.04.95, понедельник.

Долго говорил сегодня по телефону с Семёном Высоцким. Старика словно прорвало. Давно он так со мной душевно не общался. Ему, я полагаю, явно неуютно в окружении многочисленных родственников покойной жены почему-то, в основном, армянского происхождения. (Умирает старый армянин и шепчет окружившим его: «Берегите евреев! Не то истребят их – за нас возьмутся!»). Всё им сказанное я, конечно же, запишу в «блокнот правого кармана», как зарубку, к которой надо будет вернуться всенепременно. Но самое главное в разговоре сегодняшнем меня сразило наповал: «Слушай, Михаил, а вот как ты отнесёшься к такой моей неожиданной просьбе. Понимаешь, хочу всё же засесть и написать самому про свою жизнь, про войну, про мои непростые отношения с Володей» – «Господи, Семён Владимирович, да давно уже это надо было сделать. Сколько я вам говорил...» – «Ты не перебивай, не спеши, как голый... Не всё так просто. Мне же этим летом 80 стукнет – не фунт изюму. Авторучку тяжело уже держать. Но ты бы согласил мне, так сказать, в литературном плане подсобить?» – «Как вы любите говорить: со щенячьим восторгом соглашусь. В любое время я – в вашем распоряжении» – «Ну спасибо. Я знал, что ты не откажешься, но всё равно приятно. Мы к этому ещё вернёмся».

Только вряд ли Семён засадит себя за письменный стол. Вряд ли... Помню, как долго он возился с письмом в «Литературную Россию». И в руках у него уже хорошо заметный тремор. Ещё бы – такую жизнь прожить. Но видит Бог, я бы всё бросил и стал ему подсоблять.

15.05.95, понедельник.

В минувшую баню случилось так, что на полчаса прекратилась подача горячей воды. Наш газетный магнатик Витя Шварц тут же процитировал: «Если в кране нет воды, значит, выпили жиды». Кто-то сказал, что это строчка из Высоцкого. Стали спорить. Витя заметил, что среди нас, мол, присутствует специалист по Высоцкому – полковник. Вот он пусть и рассудит. Категорически я заявил, что такой строчки у Владимира Семёновича нет. Потом, когда спор столь же резко затих, как и разгорелся, я задумался: а прав ли? Да и как проверить? Текстовик из меня, как флаг из веника. Память худая, привыкшая к записям. А Высоцкого надо бы перечитывать и вообще регулярно к нему возвращаться. Пусть даже в двухтомнике.

27.07.95, четверг.

Сегодня в «Красной звезде» опубликован мой материал о Володе Высоцком «Он в песнях на фронт уходил». Под рубрикой «Звёзды нашей памяти». Во врезе я написал: «Вот уже 15 лет, как нет с нами Владимира Высоцкого. Но голос его продолжает тревожить наши души. 25 июля я вновь, как и каждый год, приду на Ваганьковское кладбище к памятнику нашему народному, без всяких преувеличений поэту и артисту. И как каждый, с кем буду стоять рядом, вспомню «своего» Высоцкого. Своего, озвучившего армию и человека в погонах всей силой недюжинного, уникального таланта».

Даст Бог здоровья и века, я ещё не единожды напишу про Володю. Всё-таки Судьба мне даровала великое везение и счастье: близко знать ТАКОГО поэта. Да и он ко мне замечательно относился. Есть множество свидетелей и, прежде всего, его отец, близкие, друзья поэта, которые, как говорится, не дадут мне солгать. Но краснозвёздский материал дорог не только тем, что как бы узаконивает мой приоритет в высококоведении среди военного люда. Он ещё и олицетворяет мою правоту и мою личную победу в борьбе за то, чтобы главное военное издание страны, наконец-то признало великого поэта, воспевшего Великого Защитника Родины. Эту борьбу я начал ещё в 1981 году, когда вышел первый поэтический сборник Владимира Высоцкого «Нерв» совершенно смехотворным для страны тиражом. Мне ничего не оставалось, как с помощью друзей снять ксерокопию со сборника. Бумажные множители тогда были редкостью. Все копии на них фиксировались «для органов» в специальной книге. То есть, требовались и связи, и умение, чтобы незаметно снять копию с целой книги, пусть и не очень толстой (всего 127 стихотворений). Так вот, сидя за рабочим столом, я, довольный и счастливый, раскладываю за нумерацией перепутанные Людой Дедовой (работала у нас машинисткой-делопроизводителем) листы. За этой работой меня застаёт мой редактор по отделу вузов и вневойсковой подготовки полковник Мороз. Какое-то время молча наблюдает за мной, потом, гневно вращая сверкающими глазами, произносит:

– Убей Бог, не пойму! Ну что тебя может привлекать к этому внутреннему эмигранту, этому злопыхателю, вражине, который всегда чувствовал себя чужим в нашей стране, который откровенно смеялся над нами?!

Чтобы «не завестись» по тому времени на бесполезную дискуссию о Высоцком, я быстро нахожу стихотворение «Мы вращаем землю» и молча протягиваю его Виталию Ивановичу. Вслух, отстраненным голосом, он начинает читать: «От границы мы землю вертели назад./ (Было дело сначала)./ Но обратно её закрутил наш комбат./ Оттолкнувшись ногой от Урала. Наконец-то нам дали приказ наступать./ Отбирать наши пяди и крохи./ Но мы помним, как солнце отправилось вспять./ И едва не зашло на Востоке».

Если бы я даже не подозревал о несомненном творческом потенциале своего редактора, то даже по интонации его чтения определил бы, что стих берёт человека за душу. Уже третью строфу он произносил с неподдельным чувством взволнованного пафоса и торжества: «Мы не меряли землю шагами./ Понапрасну цветы теребя./ Мы толкали её сапогами/ От себя, от себя».

Мороз особой сентиментальностью не страдал, однако последние строки декламировал с явным комком в горле. Долго потом молчал, кивая головой каким-то своим внутренним мыслям, наконец, обронил:

– Да, сильно написано, ничего не скажешь...

Обрадованный, я попытался ковать железо, пока оно ещё горячо, и предложил: а давайте опубликуем это стихотворение в нашей курсантской странице «Азимут». Ведь что-что, а такие строки, по-моему, никак не повредят воспитанию будущих офицеров наших армии и флота.

Редактор чуть не поперхнулся от моей дикой наглости! Он вдруг побагровел и весь запылал ярким пламенем от распирающего гнева. Глаза его полыхали уже зверским негодованием из-за моей дремучей непонятливости той политики, которая была, есть и вечно пребудет в нашем уважаемом, но специфическом печатном органе.

– Никогда, – произносит он с визгливой, бритвенной сталью в голосе, – слышишь, ты, никогда наша газета не опубликует ни строчки из этого вражеского поэта. Пора бы понимать такие прописи, коли здесь работаешь!

Мне бы, дураку, замолчать, а я робко лепечу насчёт того, что, мол, придут когда-нибудь другие времена, лучше, терпимее, чем наше. Ведь это же глупо держать под спудом такие стихи, тем более, что они уже опубликованы в книге. И тогда, чтобы окончательно поставить точку в нашем всё-таки вспыхнувшем споре, доказать мою чудовищную тупость и бестолковость одновременно, Мороз высоким фальцетом закричал:

– Даю голову на отсечение, что никогда этого не случится! Слышишь, ты, никогда! Голову даю на отсечение!

И, положив голову на стол, для пущей убедительности, несколько раз сильно врезал себя по шее ребром ладони, словно действительно намеревался её снести. Ну, что мне оставалось, как не умолкнуть, пристыженному и растерянному от подобного неистового отпора. Да и что можно было противопоставить такой святой уверенности, такой непоколебимой убеждённости?

...Накануне пятидесятилетия со дня рождения Высоцкого «Красная звезда» (я в ней не работаю с 1986 года) дала большой материал, посвященный поэту. Публикация называлась «У меня военная семья...» Там, правда, лишь перечислялись названия известных песен о войне Высоцкого, зато обильно цитировались его высказывания. К тому времени и в судьбе моего редактора тоже произошли изменения – он стал заместителем главного редактора газеты.

И надо ж было такому случиться (!) номер с моим материалом о Высоцком выпало читать именно Морозу! Удивительно, но Виталий Иванович почти его не поправил!

Так многолетний исторический спор (пишу об этом безо всякого опасения быть неправильно понятым) завершился моей сокрушительной победой. При этом я, конечно же, знать не знал и ведать не ведал, что рухнет Советский Союз, что уйдёт в небытие великая Коммунистическая партия и вообще социализм прикажет долго жить. Зато я всегда непоколебимо верил, что творчество Владимира Высоцкого рано или поздно станет достоянием тех самых «широких масс» или, проще говоря, – народа. Другими словами, я верил своему народу и понимал, что он обязательно признает своего Великого Творца. А Мороз народу не верил. Он искренне полагал, что во имя каких-то там привходящих, пусть и очень высоких идеологических соображений, у народа можно отнимать его любимца.

Опережая время

В самом начале 2012 года в издательстве «Московские учебники – Сидипресс» при финансовой поддержке правительства Москвы вышла книга «Босая душа, или Каким я знал Высоцкого». Тираж – 3000 экземпляров. Издатель снабдил мой труд следующей аннотацией: «Выдающийся поэт, актёр, бард В.С.Высоцкий, родившийся в семье кадрового офицера, всю жизнь в своём творчестве воспевал мужество людей военной профессии, вообще мужество человека в этой жизни – эти темы сегодня особенно актуальны. В книге много новых уникальных сведений из жизни В.С.Высоцкого, тонких замечаний об его творчестве и подлинно гражданской позиции. Издание снабжено подробнейшей библиографией вышедших произведений поэта и работ о нём и его творчестве и адресовано массовому читателю».

Даже если бы я в своей жизни ничего больше не сделал для пропаганды творчества Высоцкого и родной ему «Таганки», а только выпустил в свет эту книгу – жизнь полагал бы прожитой не зря. По счастью, Провидение позволило мне написать о великом поэте России, без преувеличения, в тысячах газет Советского Союза, когда я работал корреспондентом ТАСС. Повесть «Босая душа или Штрихи к портрету Высоцкого» частично или полностью я опубликовал в газетах: «Страж Балтики» Балтийского флота, «На страже» Бакинского округа ПВО, «На боевом посту» Московского округа ПВО, «Красный воин» Московского

военного округа, «Советский солдат» Центральной группы войск, «Ленинское знамя» Киевского военного округа, «За Родину» Уральского военного округа, «За Родину» Прибалтийского военного округа, «Ленинское знамя» Южной группы войск, «Флаг Родины» Черноморского флота, «Советский пограничник», «Фрунзевец» Туркестанского военного округа, «Ленинское знамя» Закавказского военного округа, «Боевая вахта» Тихоокеанского флота, «Боевое знамя» Среднеазиатского военного округа, «Защитник Родины» Одесского военного округа, «На страже Заполярья» Северного флота, «Красное знамя» Северокавказского военного округа, «На боевом посту» Забайкальского военного округа, «Советская Армия» Группы советских войск в Германии, «Винницкая правда», «Советский патриот», «Красная звезда», «Народна армия», «Младеж», «Болгарски воин» – Болгария; «Бакинский рабочий», «Радянськэ Подилля», «Вышка» Баку, «Щит и меч» Министерства внутренних дел РФ. Та же повесть опубликована в журналах: «Радуга», «Советский воин», «Энергия Востока», «КПР в войсках», Вестник ПВО». В отрывках она прозвучала на Всесоюзном радио и в телепередаче «Служу Советскому Союзу!»

Однако, честно признаюсь, больше всего я горжусь собственными публицистическими заметками **«Блатарь или златоуст?»**, опубликованными в «Литературной газете» № 2–3 (6400) от 23–29 января 2013 года – накануне 75-летнего юбилея Владимира Семёновича Высоцкого. В соцсетях они были признаны лучшими на тот период. Ими и закончу свои воспоминания о великом русском поэте.

«Легенды, мифы и правда о Высоцком»

«Нет, всё-таки прав был Андрюша Вознесенский: какого златоустого блатаря мы потеряли!» (Случайно услышанная фраза после демонстрации фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой»).

Кто помнит стихотворение Вознесенского, знает, что есть в нём и такие строки: «Спи, шансонье Всея Руси», «Шёл популярней, чем Пеле», «Носил гитару на плече, Как пару нимбов», «Спи, русской песни крепостной» – очень впечатляющие, доложу, поэтические тропы. Но на слуху у всех только эти: «О златоустом блатаре рыдай, Россия!/ Какое время на дворе – таков мессия». Чего, собственно, автор добивался. Из-за неосознанной (хотя, может, и осознанной!) зависти к сумасшедшим популярности и славе Высоцкого. Кто-то заметит: какая дичь, вздор, нелепость! А не спешите с выводами.

Эти же чувства разделял и Евг. Евтушенко. Из его предисловия к фантастически бездарной пьесе Э. Володарского «Мне есть что спеть...»: «Высоцкий, по-моему мнению, не был ни большим поэтом, ни гениальным певцом, ни тем более композитором. Но всё-таки вместе компоненты его жизни слагаются в крупную поэтическую фигуру».

И вот перед вами первый, едва ли не главный миф о Высоцком. *Никакой он не поэт вовсе, а так – немножко пишущий, немножко играющий, немного поющий. Вдобавок ещё и пьющий, и колющийся (в смысле балующийся наркотой), и чрезвычайно вздорный человек.* Именно таким Владимир Семёнович изображён в упоминаемой, откровенно маразматической пьесе. Что жирным росчерком-предисловием и подтверждает Евг. Евтушенко – в России даже больше, чем поэт. И рядом с ним, настоящим поэтом, Высоцкому, стало быть, и не место. Других, более мелких «отрицателей» перечислять не стану – много чести. А – правда?

Сделанное Высоцким в театре, уйдёт со временем в небытие. Фильмы с его участием проживут долго, но, в конце концов, тоже забудутся. И даже песни растворятся в туманной дымке будущего. Без всяких оговорок останутся лишь стихи Высоцкого. Как всякая настоящая поэзия они будут жить, сколько существовать будет русский язык. Почитайте. Нынешний юбилей поэта – прекрасный повод вернуться к его стихам.

К сожалению, дурная советская власть запрещала их публиковать, и Высоцкий при жизни своей так и не увидел ни строчки из собственных сочинений.

Вот вам и вторая совершенно вздорная легенда. Хотя бы потому, что восемнадцать своих стихотворений Владимир Семёнович напечатанными всё-таки видел. Только не в них дело.

Если бы Владимир Семёнович по-настоящему, с присущей ему целеустремленностью и хваткой взялся когда-нибудь за издание своих стихов – несомненно, добился бы своего. Но, во-первых, как он сам не раз утверждал: «Не люблю быть просителем, обивать пороги редакций». А, во-вторых, он не хотел ни при каких обстоятельствах идти на компромиссы с редакторами, издательствами, редакциям газет, журналов. Притом, что даже в те застойные времена находились удалые, смелые люди, которые хотя бы ради принципа могли пробить в печать то или иное стихотворение Высоцкого. Ведь маленькая, хрупкая, далеко не деловая Белла Ахмадулина сумела напечатать в альманахе «День поэзии» сочинение Владимира Семёновича. А Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава, Самойлов и ещё многие, многие другие поэты, считавшиеся друзьями Высоцкого, – выходит, не могли помочь в публикации хотя бы по одному стихотворению каждый? Или Высоцкого постоянно преследовал злой рок? Но почему же тот рок дрогнул перед тщедушной Ахмадулиной?

Кстати, читатель, небось, подумал, что Владимир Семёнович горячо и сердечно поблагодарил поэтессу за участие в публикации его стихотворения? Как бы не так. «Когда-то давно уже, я поздравляла читателей «Литературной газеты» с Новым годом, с чудесами ему сопутствующими, в том числе, с пластинкой «Алиса в стране чудес», украшенной именем и голо-

сом Высоцкого, вспоминает Ахмадулина. – А Высоцкий потом горько спросил меня: «Зачем ты это делаешь?» Я-то знала – зачем. Добрые и доблестные люди, ещё раз подарившие нам чудную сказку, уже терпели чье-то нареkanie, нуждались хоть в какой-нибудь поддержке и защите печати. И ещё один раз Высоцкий так же горько и устало спросил меня: «Зачем ты это делаешь?» – когда в альманахе «День поэзии» было напечатано одно его стихотворение, сокращённое и искажённое. Мне довелось принять на себя жгучие оскорбления за отношение к нему как к независимому литератору. Я знаю, как была уязвлена столь высокая, столь опрятная его гордость».

Да, Высоцкий был горд, порою – слишком. Но только этим объяснять его строптивую несговорчивость со всеми печатными органами и организациями (а она была, была!) – не упрощенно ли? Получается, что все остальные поэты, печатавшиеся в застойные времена, были напрочь лишены этой самой гордости? Что-то тут не стыкуется, явно не вписывается в ставшие уже дежурными утверждения: Высоцкий так хотел увидеть напечатанными свои произведения, но литературные чиновники всячески препятствовали этому.

Точно не способствовали. А скажите, к чему хорошему, здоровому, критически задорному, неординарному, нестандартному, вырывающемуся за узкие «параграфные» рамки, – к чему в те годы чиновники благоволили? Какого оригинально мыслящего и творящего художника они не затирали, не крутили в бараний рог? Почему же мы все задним числом так упорно сетуем на них за неблагосклонность именно к Высоцкому? Ведь даже гипотетически нельзя предположить нечто противоположное, а мы упорно долбим одно и то же, как заведенные, сладострастно раздирая уже давно зажитые исторические раны.

Правда же заключается в то, что всерьёз, по большому счёту публикацией своих сочинений Высоцкий сам никогда не занимался. Более того: это не лежало в русле основных его тогдашних творческих устремлений. Бард ориентировался исключительно на слушание, а не чтение. Именно поэтому выпуска своих пластинок он как раз добивался с упорством неслыханным, подключая к этому процессу порой многих своих влиятельных знакомых. И, как мы знаем, выходили они гигантскими тиражами. Здесь он шёл на любые компромиссы. Первые диски совсем не удовлетворяли его, если не сказать – огорчали. Тогдашние чиновники из фирмы «Мелодия» были ничуть не прогрессивнее своих собратьев из литературного цеха. И каждая песня, прежде чем попасть на пластинку, «обкатывалась» в стольких инстанциях, что даже у очень пробивных людей, бывало, опускались руки. Однако Высоцкий с упорством и настойчивостью искал и находил с бюрократами от песни общий язык. Даже гитаре ради этого изменял, чего не сделал ни на одном из своих многотысячных (более тысячи) концертов! А как он стремился со своими песнями (и прорывался-таки!) в кино, в театр!

«Иногда я на очень высоком уровне получаю согласие, а потом оно, вдруг, как в вату уплывает. Прямо не знаешь, кого брать за горло, кого конкретно надо душить. (Подчеркнуто – М.З.). Потом я смотрю, «Мелодия» вместе с болгарками издаёт пластинку, в которой есть ещё несколько вещей из этих дисков, а у нас они так и не случились. Когда спрашиваешь отвечающего за это человека о причине, он говорит: «Ну, вы знаете, там не все песни «беспорные». Я говорю: «Так давайте спорить!»

«Высоцкий яростно боролся против партии, власти, идеологии. Он был «совестью народа», «не солгал ни одной своей строкой» и потому числился вечным изгоем тогдашнего общества. Его везде и всюду запрещали, не пускали». Так или примерно так до сих пор полагают многие на Западе да и в нашей стране тоже. Такие непоколебимо уверены, что система постоянно травила певца и, в конце концов, свела его со света. Больше ерундой выглядит только утверждение о том, что «ГКБ зорко следило за каждым шагом опального поэта», к чему мы ещё вернёмся!

Меж тем, главная трагедия Высоцкого-творца заключалась вовсе не в его «борьбе со своими врагами» внутренними или внешними. Таковых, по существу, у него никогда и не наблю-

далось. (Как не было им сочинено ни единого текста, который был бы официально кем-то запрещен! Буквально – ни строчки!) Это мелкие творческие сошки, задиравшиеся с мелкими же сошками во властных структурах обижались, оскорблялись, озлоблялись и убегали за бугор, нещадно потом понося и поливая дерьмом и помоями оттуда всех и вся. И выдавали эту жалкую ублюдочную возню за борьбу с системой. Высоцкий никогда на мелочи не разменивался и всегда оставался прагматиком, нонконформистом до мозга костей. Вослед Сергею Михалкову он мог с полным правом утверждать: против пороков социализма не надо бороться. Их надо умело использовать в своих интересах. И он использовал их по полной форме. Смею утверждать, что как умный человек он никогда даже теоретически не рассматривал перед собой комичной цели сражаться с властью, тем более «наносить удары по системе». Он грамотно, умно и хладнокровно воевал за свою личную свободу и добился на этом поприще успехов невиданных. Даже самые правозащитные, ушлые, но ортодоксальные слуги социалистической идеологии, тогдашней власти, типа Е.Евтушенко, Г.Маркова, А.Софронова и «нести им числа» выглядели перед Высоцким пацанами, желторотиками. Ибо все они жили, творили и кормились с рук власть предержащих, находясь в ошейниках и на куцах поводках. Скажем, любую поездку за границу того же Евтушенко всегда могла отменить группа коммунистов-старпёров при рядовом райкоме партии. Высоцкий же никогда и ни перед какой комиссией не отчитывался, когда желал ехать за рубеж. Бард из Таганки вообще, сколько хотел, столько и общался со своим народом. Напрямую и в живую. Степень его свободы по-своему верно воспринималась даже его недругами.

«Мне кажется, что те, кто изо всех сил раздувает «пузырь Высоцкого», сами осознают ущербность своих усилий. Поэтому в ход пошли байки о каких-то преследованиях хрипуна с гитарой, о его страданиях. А этот хрипун является махровым цветком периода застоя. Именно в те годы он имел в своем распоряжении целый театр, в любой день мог без всяких помех полететь в любой конец земного шара – подумать только, он, пожалуй, единственный из советских людей, кто отдыхал на Таити! Запойный пьяница и наркоман, он жил и хрипел свои сочинения под постоянным объективом кинокамер. Его еще в те времена, еще живого, уже готовили на недостижимо высокий пьедестал. Шутка сказать, отснятый киноматериал исчисляется многими километрами. И когда наркотики все же сказали свое слово, у подъезда его дома моментально оказались все машины специфической скорой помощи, которыми в то время располагала Москва. Так что какие уж там гонения!» («Молодая гвардия», № 8, 1989 г.).

Когда у Высоцкого действительно возникали какие-то сложности и проблемы, он писал (и не раз!) в Министерство культуры, в ЦК КПСС. И ТАМ ненавистные «гонители» всегда (!) шли ему навстречу!

«...Песни мои, в конечном счете, жизнеутверждающи и **мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают.** (Выделено – М.З.). Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей, не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу. **Я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества, имея такую популярность.** (Выделено – М.З.). Странно, что об этом забочусь я один. Это не простая проблема, но верно ли решать ее, пытаюсь заткнуть мне рот или придумывая для меня публичные унижения?

Я хочу только одного – быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить, в согласии с идеями, которые организуют наше общество.

...После моего обращения в ЦК КПСС и беседы с товарищем Яковлевым (да, да, тот самый Александр Николаевич, знаменитый «архитектор перестройки» в то время первый заместитель отдела ЦК КПСС – М.З.), который выразил уверенность в том, что я напишу еще много хороших и нужных песен и принесу пользу этими песнями, в «Литературной газете»

появилась небольшая заметка (В.Левашов, «Критиковать значит, доказывать», 31 июля 1968 года – М.З.), осуждавшая тон статьи в «Советской России» («О чем поет Высоцкий?» – М.З.).

Итог этих обращений. В феврале 1978 года приказом № 103 Министерства культуры СССР Высоцкому выдали удостоверение артиста за № 17114 с присвоением высшей категории вокалиста-солиста эстрады, и его разовая ставка увеличивалась до 19 рублей. (Для сравнения: народный артист СССР, выступая на той же эстраде, мог получать 25 рублей – М.З.).

На фоне нынешнего разгула вседозволенности и безбрежной гласности, кто-то и в данной способности-«приспособляемости» Высоцкого усмотрит ущербность. Мы же мастера мнить себя стратегами, даже не видя боя со стороны, а только читая старые боевые сводки. А поэту, меж тем, приходилось, и жить с волками, и выть по-волчьи. И альтернатив на сей счёт для него не существовало. Мы же в своих рассуждениях о прошлом постоянно данным обстоятельством пренебрегаем.

Конечно, если сравнивать былую успешность Высоцкого с нынешними продвинутыми деятелями шоу-бизнеса, хотя бы с тем же голосистым Киркоровым, то Владимир Семёнович не мог себе позволить иметь собственный самолет, которым располагает Филипп Бедросович. Но если мы будем ставить поэта и артиста рядом с тогдашними настоящими деятелями культуры, обязательно удивимся: какая же завидная ему выпала доля! И не надо тут изобретать всевозможные глупые идеологические фигуры, если правда такова, что Высоцкому при его даже очень короткой жизни досталась невиданная слава, огромные деньги, опека многих очень влиятельных и сильных друзей, покровительство и высочайший блат в самых верхах власти, твёрдо проторенная дорога за границу. Большого в те годы нельзя было добиться никому! (Как-то неудобно вспоминать в этой связи Пушкина, которого царь так и не пустил за границу. А уж на фоне многих отечественных страдальцев ушедшего века Высоцкий, простите, просто баловень судьбы. Каковым по существу и являлся).

Вот сухой остаток всего вышесказанного. За 42 года жизни Высоцкий снялся более чем в 30 фильмах, выпустил несколько пластинок многомиллионными тиражами, 16 лет проработал в популярнейшем столичном театре, где сыграл несколько десятков интересных и различных ролей. С 1965 года выступал в самых престижных залах страны, да что там залах – он пел свои песни на многотысячных стадионах. Я уже не говорю о том, что он объездил полмира. Кто ещё в отечественной культуре за такие годы столько сделал? И разве всё это можно называть «подавлением»?

Высоцкий – всего лишь малограмотный, но задиристый и нахальный самоучка. В начале 90-х в журнале «Континент» он даже был назван «Недоучкой 60-х».

А на самом деле? Владимир Семёнович окончил Школу-студию МХАТА – высшее, пожалуй, что и самое уважаемое театральное училище в стране. В разное время здесь преподавали М.Кедров, В.Станицын, А.Тарасова, В.Топорков, И.Раевский, В.Орлов, А.Карев, Г.Герасимов, Б.Вершилов, А.Грибов, А.Степанова, П.Массальский, О.Ефремов, Е.Морес, В.Марков, С.Пилявская, Е.Евстигнеев, В.Шверубович (Качалов), профессора В.Радомысленский, А.Зись, В.Виленкин. Можно говорить и писать всё, что угодно о фундаментальной, базовой подготовке Высоцкого. Нельзя лишь отрицать того бесспорного факта, что его учил, формировал его мировоззрение цвет советской театральной культуры. Да, он был от природы наделён недюжинным талантом, необыкновенными и разносторонними способностями. Но именно в школе-студии этот природный алмаз бриллиантом сделали творцы, всем народом признанные. (На всякий случай напомним, что литературу Володе преподавал Андрей Донатович Синявский. Тот самый, который писал под псевдонимом Абрам Терц и который был в 1966 году осужден вместе Юрием Даниэлем). В обширной поэзии Высоцкого мы встречаем прямые или косвенные аллюзии, параллели и реминисценции из Библии, из многих восточных учений, из античной мифологии, из «старинных скетчей», из Пушкина, Гоголя, Булгакова, Зощенко, из целой плеяды погибших поэтов-фронтовиков, из Д.Самойлова, Е.Евтушенко, А.Вознесен-

ского, Б.Ахмадулиной, которую очень высоко ценил и называл «своим любимым поэтом». В личной библиотеки Высоцкого, которую он совершенно точно начал собирать ещё со студенческой скамьи, мы опять-таки находим не только полные собрания Есенина и Маяковского, но и тома А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Пастернака, О.Мандельштама, И.Северянина. Высоко ценил Владимир Семёнович Николая Клюева. Часто употреблял крылатое клюевское «избяная Русь». Николая Лескова и Павла Мельникова-Печерского тоже не раз цитировал. А, казалось бы, куда уж самобытные и «не раскрученные» писатели, о которых многие и не слышали. Помимо Куинджи, Высоцкий высоко ставил творчество И.Босха и С.Дали. Очень глубоко и серьезно знал Владимир Семенович мировую, особенно современную драматургию и демонстрировал просто-таки завидные познания в мировом кинематографе, в чём автор этих строк имел возможность многожды убеждаться лично.

Вот записанное за Высоцким в разное время сугубо на литературную тему: «А если поэзия не песенна, то это и не поэзия вовсе». «Вообще-то должен вам, братцы, заметить, что дядюшка Джо – так Сталина величал Черчилль – писал очень даже недурственные стихи». «Слушать эпоху! Какая глупость несусветная! Слушать всегда надо человека». «У Шота Руставели витязь на самом деле – в барсовой шкуре. В крайнем случае – в леопардовой, но уж никак не в тигровой, как нам со школьной скамьи талдычат». «Поэзия не любит натуральных величин». «Если Бога нет, то все позволено» – именно такой мысли, братцы, и нет у Достоевского. Это уже потом ушлые толкователи ее вывели из всего написанного Федором Михайловичем. И я не уверен, что правильно сделали...». «Есть поэзия салютов, а есть поэзия зарниц». «Ну и что? Вон у Лермонтова «знакомый труп» лежал в долине, а стихи-то настоящие!» «Жить лучше в мире «созданном вторично». И здесь я солидарен с Гамлетом и Пастернаком». «Тут права на все сто Цветаева, сказавшая, что нельзя быть поэтом в душе, как нельзя быть боксером в душе. Умеешь драться – выходи на ринг и дерись, а не скули и не хныкай». «Поймите, ребята, времена были такие, когда великодушие во всех проявлениях считалось слабостью, а беспощадность во всех вариантах – силой. Нам поэтому многое из тех времен не понять. Мы то время меряем нынешним и возмущаемся непонятливостью своих предшественников. А непонятливы-то мы».

Уже треть столетия прошло после смерти поэта, а до сих пор оттуда, «из-за бугра» бесчисленные теоретики и «почитатели» барда из кожи вон лезут, чтобы доказать нам: *Высоцкий-де, всегда стоял в оппозиции к бывшему советскому народу и социалистическому общественному строю. Его, певца индивидуализма, ничего, мол, кроме факта рождения не связывало с «коммунистическими советами»; если бы ещё немного он пожил, то непременно сбежал бы на обетованный Запад.* То есть, он просто каким-то чудом не пополнил ряды диссидентов. Для таких признание поэта: «Я смеюсь, умирая со смеха./ Как поверили этому бреду?! Не волнуйтесь, я не уехал./ И не надейтесь – я не уеду!» ничего не значит, потому что было написано «под давлением». Ложь все это и корыстолюбивая клевета!

У Высоцкого нет ни одной строки, написанной под чьим бы то ни было давлением. Даже в самые трудные моменты жизни, а их на его долю с лихвой выпадало, Высоцкий всегда глубоко осознавал себя всего лишь частицей своего народа, своей Родины. Он не мыслил себя без России и поэтому острее многих других известных деятелей культуры, по разным причинам дрогнувших в борьбе с отечественными бюрократами, понимал, что его место всегда – на Родине. Что именно здесь, как нигде, нужен его голос, его песни, его присутствие. Мучившая его постоянная боль не могла быть до конца понятой ни в каком ином, самом «райском» краю на Земле. Это принципиальный, определяющий момент не только в творчестве, но и во всей жизни Высоцкого.

(Из книги М.Влади «Владимир или Прерванный полёт»: «Уехать из России? Зачем? Я не диссидент, я артист, – так ты сказал в Нью-Йорке во время интервью знаменитой передаче СВ «60 минут». Лицо твоё слегка розовеет, глаза же, наоборот, очень бледны, видно, что ты

разозлен. – Я работаю со словом, мне нужны мои корни, ведь я поэт. Без России я ничто, я не существую без того народа, для которого пишу: я не могу жить без любви публики ко мне как к актеру, без этой любви я задыхаюсь».

Вся поэзия Высоцкого – простая, почти примитивная, лубочная, «для шансона». Вне именно его музыкального исполнения она не может рассматриваться всерьёз.

Поэзия Высоцкого, как и всякого любого иного творца – разная. Но в лучших своих проявлениях она отвечает самым взыскательным требованиям. Относительно военно-патриотического цикла, особенно так называемых фронтовых реминисценций, можно смело утверждать, что они абсолютно уникальны и безальтернативны во всей нашей и даже мировой литературе. Другой вопрос, никто по серьёзному до сих пор не дал себе труда задуматься и проанализировать: а как же так получилось, что человек, родившийся за четыре года до Великой Отечественной войны, ни дня потом не прослуживший ни в армии, ни на флоте, ни даже в милиции, вообще ни в какой силовой государственной структуре, сумел написать такой пронзительной силы поэтические вещи про ту же войну и про ту же воинскую – берём шире – любую «государеву» службу, как это не сделал никто иной ни до, ни после Высоцкого?

Нас не могут не восхищать строки: «Гвозди бы делать из этих людей,/ Крепче не было б в мире гвоздей» (Н.Тихонов). Или: «Его зарыли в шар земной, как будто в мавзолей» (С.Орлов). Но при этом мы ведь доподлинно знаем и понимаем, что и тот и другой, как и все предыдущие и последующие поэты испокон веков, отражали свое время, творили о том, что сами пережили. Высоцкого же война лишь слегка задела своим смертным дыханием, опалив только самый крохотный краешек его биографии. А он, тем не менее, написал бесподобное по своему философскому осмыслению минувшей войны стихотворение «Мы вращаем землю»: «От границы мы Землю вертели назад,/ Было дело, сначала./ Но обратно её закрутил наш комбат./ Оттолкнувшись ногой от Урала». Далее: «Тот, который не стрелял», «Всю войну под завязку», «Из дорожного дневника», «Песня о моем старшине», «Черные бушлаты», «Высота», «Альпийские стрелки», «Расстрел горного эха», «Разведка боем», «Он не вернулся из боя», «Звёзды», «Песня о госпитале», «Аисты», «Песня о новом времени», «Их восемь, нас двое. Расклад перед боем...», «Смерть истребителя», «Я полмира почти через злые бои...», «Песня о земле», «Сыновья уходят в бой», «Белый вальс», «Так случилось – мужчины ушли...», «Песня о конце войны», «Братские могилы», «Давно смолкли залпы орудий», «Штрафные батальоны», «Я вырос в ленинградскую блокаду», «Капитан», «Солдаты группы «Центр». И ещё, примерно, полсотни стихотворений, песен, где поднимается и решается всё та же – военно-патриотическая тема.

О минувшей войне, – беспримерном испытании, которое героически выдержал наш народ, – поэты писали и будут писать. Но творческий подвиг Высоцкого вряд ли кому-то удастся повторить. На протяжении всей своей творческой жизни он регулярно обращался к военным, ратным свершениям своего народа, других народов и ни разу при этом, ни на йоту нигде не сфальшивил. Даже человеку мало сведущему в поэзии каждое стихотворение его на эту тему кажется единственным, неповторимым. Высоцкому никогда не нужно было «входить» в военный материал. Он как бы постоянно жил в нём, не деля в своём творчестве жизнь на мирную и военную. Для него то была одна жизнь. И он рассказал о ней сильно, страстно, мужественно, правдиво и искренне. Ни с одним другим поэтом так тесно, воедино вместе, как с Высоцким мы не прошли по той большой войне, которую никогда не забудем, потому что она тяжела и велика для всех нас и о которой он сказал куда уж как просто и ясно: «Если родина в опасности, значит – всем идти на фронт». Уже только поэтому поэзию Высоцкого невозможно принизить до блатного шансона.

Кроме всего прочего, как и всякое сочинительство, недюжинным талантом оплодотворённое, творчество Высоцкого и полифонично, и эвристично, и даже мистично. Не зря же Давид Самойлов написал: «И чему-то вселенскому родственно/ И стоустой Молвы стоустей-/

Нежное лицо Высоцкого,/ Полное печали и предчувствий». А сам поэт не раз твердил: «В душе – предчувствие, как бред», «Смерть тех из нас всех прежде ловит,/ Кто понарошку умирал», «Я не знал, что подвергнусь суженью после смерти», «И с меня, когда взял я да умер,/ Живо посмертную маску сняли расторопные члены семьи».

К памятнику на могиле Владимира Семёновича можно относиться по-разному. Марина Влади просто издевательски его не приемлет. Но то, что надгробие при своей довольно внушительной высоте – узкое – факт потрясающий и удивительный! Как будто подсмотрел Володя на свое надгробие и написал стихи. Члены семьи (особенно старший сын) оказались куда уж расторопными, выпустив такой «кассовый фильм». В нём есть всё, что нужно блокбастеру, кроме поэта Высоцкого. А правда там даже не ночевала. Потому что редко кто так сочувственно и побратски относился к барду на «Таганке», как элита советского общества – наследники Феликса Эдмундовича. Хотя, если им эта ода спета, то – сойдёт.

...В мире нет литературы, богаче российской. О поэзии и говорить не приходится. По числу хороших, качественных поэтов на душу населения мы обогнали все страны мира вместе взятые. Как Япония «умыла» весь прочий мир по электронике. Похоже, в том и другом случае – навсегда. Но русская поэзия удивительно богата ещё и на великие поэтические имена. Высоцкий – в первой десятке таких великих – это даже не обсуждается. Уникальность его творчества ещё и в том, что оно чрезвычайно прочно хранится в народе, а, стало быть, и в нашей культуре. Как в письменном, так и в звуковом исполнении хранится. Это столь оригинальный интеллектуальный пласт, который никак невозможно измерить, учесть, проинвентаризовать. Грубо говоря, никто и никогда не сможет сказать, сколько в нашей стране, в мире существует любителей Высоцкого. Предположительно: тысячи и тысячи. Но дело даже не в этом. Ни один другой поэт в России, да, пожалуй, и в мире не имеет такой многочисленной, такой благодарной и такой стойкой аудитории, какую суждено было посмертно стяжать Высоцкому. Да, конечно, у многих мировых поэтических знаменитостей есть свои поклонники, приверженцы, популяризаторы. По круглым датам кумиров они, как правило, активизируют свою деятельность. Тогда и мы, простые любители поэзии вспоминаем о том или другом поэтическом имени отечественном или зарубежном. В примере с Высоцким картина разительно и принципиально иная. Те, кто его любят, им постоянно живут во всякое время года и все 25 часов в сутки. Зайдите, читатель, в Интернет и вы убедитесь в том, что я написал это не для красного словца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.